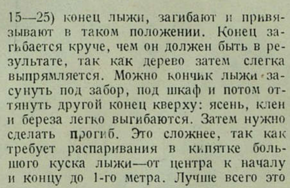

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

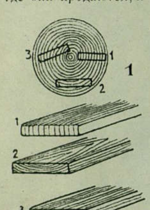

Н. Лютер

САМОДЕЛЬНЫЕ ЛЫЖИ

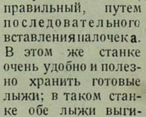

Весьма может статься, что в большинстве случаев покупные лыжи окажутся лучше самодельных. Но покупные лыжи, естественно, можно покупать только там, где они продаются, и только тогда, когда есть на это средства. Обе эти возможности не всегда имеются. А потому мы советуем запастись терпением и с помощью свойства, которое называется аккуратностью, попробовать изготовить лыжи собственными средствами.

Прежде всего, надо выбрать сухие, прочные доски 12 **см** ширины, 3 **см** толщины. По извилинам древесины надо выбрать такие, которые вырезаются в стволе не поперек и не вкось слоев, а как показано на рис. 1(2), т.-е, чтобы линии древесины проходили по широкой плоскости доски. Конечно, лучше по возможности вовсе избегать сучков.

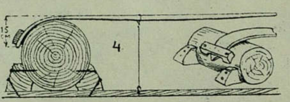
В точке **А** лыжа имеет наибольшее расширение, в точке **В** она всего уже и около конца **С** снова несколько расширена. Такая форма вместе с изгибом лыжи дает наиболее экономную и быстроходную конструкцию. Длина лыжи в 2 метра (200 **см**) рассчитана на вес ходока

в 3,5 — 4 пуда (в одежде). Для более легких и тяжелых людей длина пропорционально увеличивается, ширину лучше не менять.

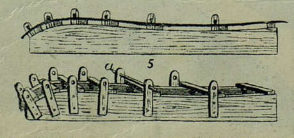
Когда на доску нанесен рисунок, она опиливается по контуру и рубанком ей придается форма в сечении, изображенная слева на рис. 2-м и на рис. 3-м.

Когда лыжа опилена и выстругана, ее надо выгнуть, но, однако, так, чтобы нагруженная она лежала горизонтально на снегу, а нос был загнут для разрезания снега—иначе лыжа при ходьбе будет зарываться. Оба выгиба можно делать врозь, но можно и вместе. Если производить эту операцию раздельно, то начинать надо с загиба носка в станочке, изображенном на рисунке 4. Он приготовляется из обрубка круглого, толстого полена с петлей на нем, в которую засовывают распаренный в кипятке (минут 15—25) конец лыжи, загибают и привязывают в таком положении. Конец загибается круче, чем он должен быть в результате, так как дерево затем слегка выпрямляется. Можно кончик лыжи засунуть под забор, под шкаф и потом оттянуть другой конец кверху: ясень, клен и береза легко выгибаются. Затем нужно сделать прогиб. Это сложнее, так как требует распаривания в кипятке большого куска лыжи—от центра к началу и концу до 1-го метра. Лучше всего это

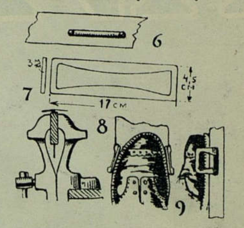

сделать, положив лыжу на бочку, обернув ее тряпками и поливая в течение 15—20 минут кипятком. Еще лучше—положить в ванну или речку; в холодной воде сухое дерево надо продержать не менее суток. Затем под самую толстую часть лыжи кладут брусок в 2,5 **см** толщины и прижимают лыжу тяжелыми камнями, оставляя ее под прессом 1—2 суток.

Гораздо лучше производить выгиб, особенно если делается не одна пара лыж (в кружке, в школе), в особом, легко изготовляемом станке, изображенном на рис. 5. Тут выгиб получается точный, правильный, путем последовательного вставления палочек **а**. В этом же станке очень удобно и полезно хранить готовые лыжи; в таком станке обе лыжи выгибают совершенно одинаково, что весьма важно. Когда лыжа выгнута, на расстоянии в 5 **см** от самого толстого конца в направлении к переднему концу делают прорез для упора. Он должен быть в 4—6 **см** и не толще $\frac{1}{2}$ **см**. При помощи двух отверстий буравом и тонкого долота этот прорез делать легко (см. рис. 6).

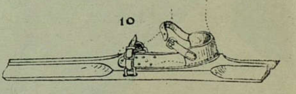
Теперь надо проверить вес лыж—они должны быть по весу совершенно одинаковыми, так же, как и их центр тяжести, продев веревку через оба прореза, надо последить, чтобы концы, опускаясь, повисли на одинаковом уровне. Если этого нет, более тяжелую надо подстругать. В прорез лыж вставляют железный кусок по рис. 7. Вырез надо сделать зубилом, слегка поправив напильником. Железку загибают с обоих концов под прямым углом, непременно зажав лыжу в тиски—иначе лыжи могут лопнуть. Эти

концы служат для упора носка сапога и для ремней (рис. 8 и 9).

Ремень не должен туго обтягивать сапог; его назначение—служить только упором. Наилучший упор для каблука—задник сандалии. Сандалии большого номера (конечно, старые, сношенные) очень удобны для лыжного бега. Из них оставляют только подошву и задник—все остальное срезают (см. рис. 10) и набивают гвоздиком через подошву к лыже до середины так, чтобы место каблука могло приподниматься при ходьбе,—это очень облегчает бег. Ремешки сандалий должны быть очень прочны и хорошо пришиты—лучше прошить их специально еще раз дратвой.

Вот и вся хитрость приготовления самодельных лыж.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

СОДЕРЖАНИЕ

Главлит 75421. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 27.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

На 12 м. . . . 3 р. — к.
„ 6 „ . . . 1 „ 60 „
„ 3 „ . . . „ 85 „
„ 1 „ . . . „ 30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

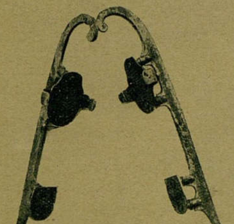
ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ

Москва, Новая площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия“.

№ 23 ДЕКАБРЬ 1926 г.

НА ЛЫЖИ, НА КОНЬКИ!

Разве можно что-нибудь делать зимой?

Холодно. Мороз кусает нос и щеки. Куда тут на улицу! Не лучше ли посидеть в теплой комнате у горячей печки, а в деревне—даже на печке. Тепло, спокойно и хорошо. Так рассуждают растяпы и лентяи.

Много ли таких ребят? Хватает.

—Зима—какое скучное время,— плачутся некоторые.

Так ли это?

Разве не весело всем звеном длинной шеренгой мчаться на коньках по гладкому льду. Разве скучно отрядом или группой школьников веселой ватагой скользить на лыжах?

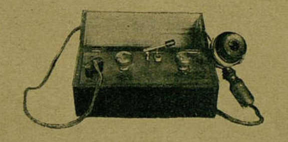
Тонкие ветви сгибаются под тяжестью снега. Он только и ждет, чтоб осыпаться на задевшего ветку лыжника.

Миг!

Паренек покрыт сверху донизу легким пухом и мчится дальше навстречу ветру.

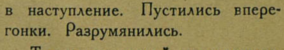
Сколько веселья, смеха и бодрости.

Притаился снежный сугроб и ждет неудачного лыжника, чтобы выкупать его в снегу с головой. Не страшно. Другой неудачник едет двумя ногами в разные стороны. Лыжи убегают от бедного туловища, и хозяин его падает в снег. Третий, как усердная лошадка, тащит за собой тяжелые лыжи.

Лыжи забастовали и не хотят скользить под неловкими наездниками. Волей-неволей тащи их сам, неопытный лыжник. Не бросать же.

Но тут и успехи. Дружной ровной шеренгой ребятишки двинули в наступление. Пустились вперегонки. Разрумянились.

Так часок-другой покатаешься, смотри, лень-матушка пройдет. Хочется учиться, работать.

Вот у этих ребят спросите, хороша ли зима.

Вот как легко и весело можно провести время. Каждый, кто катался на лыжах, коньках, санках брось лозунг:

„Неорганизованные ребята, вместе с нами давайте строить зимние площадки, строить самодельные лыжи.

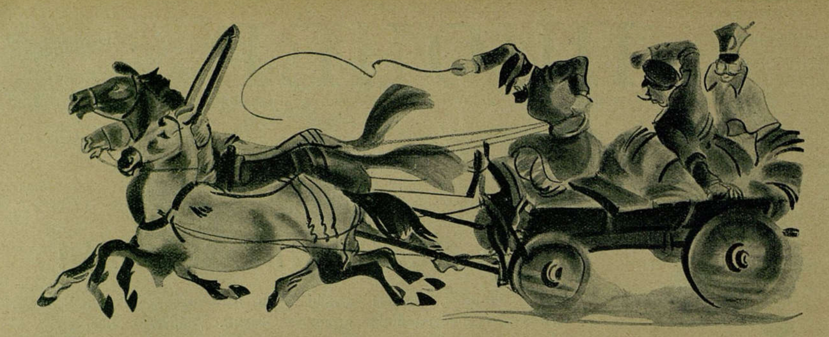
„Больше свежего, чистого воздуха, и мы будем здоровы и жизнерадостны“.

Дряблому, развинченному телу, слабым мускулам, желтому цвету лица и головным болям должна быть об'явлена беспощадная война.

Чтоб в дальних или ближних
Глухих краях
Везде скользила, лыжник,
Нога твоя.

Чтоб все, на лыжи вставши,
В сплошной черед,
От младших и до старших,
Неслись вперед!

С. Григорьев

Рис. худ. К. Кузнецова

БЕРКО-КАНТОНИСТ

(*Продолжение*)

12. ПРИЕЗД РЕВИЗОРА

ежду тем батальон готовился к ревизии и смотру. Приближалась весна, а ревизора все не было, стали думать, что он приедет в срок обычного инспекторского смотра, приуроченного к ежегодному выпуску кантонистов из школы весною.

Муштра было усилилась после первого известия о ревизоре, а когда затих о нем слух, опять вошла в свою колею. Генерал вернулся к своим занятиям механикой, оставив в покое попугая, и Берко, забытый бригадным почти на месяц, вновь однажды получил приказание явиться после бани на вести к генералу... Обмазавшись в бане дегтем, Берко пришел во дворец и был встречен приветом Сократа:

— Кантонисты—дураки! Перцу принес?

Берко помотал головою, не отвечая попугаю: он решил пока-что воздерживаться от разговора с мудрой птицей.

— Жри сам!—крикнул Сократ вслед Берку, когда тот затворял дверь генеральского кабинета.

В батальоне жизнь шла своим чередом: понедельник—фронт и классы, вторник—фронт и классы, среда—расходный день, четверг—телесный смотр, баня и спевка, пятница—фронт и «пунктики», суббота—батальонное учение и мытье полов по всей казарме, воскресенье—по наряду в церковь, а остальным «артикулы», и, кто не провинился, отпуск на базар.

В расходный день, после утренней уборки, кантонисты расходились по определению начальства—в швальную и сапожную мастерские бригады, в которой числился батальон, человек по пятьдесят от роты, и десятка по два в иные мастерские: эполетную, галунную, басонную, столярную, кузнецкую. Для кантонистов среда больше праздник, чем воскресенье. Для мастеровых—старых солдат—нашествие ребят—сущее наказание. Солдаты, срывая злобу, били кантонистов за помеху различными орудиями производства: портные—аршином, сапожники — шпандырем, басонщики — плеткой, галунщики—ремнем, столяры—палкой, кузнецы—кулаком. В роздых можно было выбежать за магазины, где помещались мастерские, и купить с'естного. Тут сидели торговки; одна выкликала:

— Кантонистик золотой,
Вот картофель рассыпной,
Полну шапку наложу,
Пятачок один возьму...

Другая хвалила свой товар:

— Калачи горячи
Сейчас из печи!

Третья кричала:

— Хлеба даром дам:
Требуха, потроха!
Печенка, селезенка!

Четвертая зазывала:

— Молоко топленое,
С вечера доеное,
Досыта напою,
Семишник возьму!..

Тут же кантонисты и закусывали за собственный счет: стола в расходный день не полагалось. Кто не успел «спроворить» у зарвавшейся торговки в суматохе, а денег не было—выпрашивал у других. Старательных учеников прикармливали мастеровые солдаты, а иные из кантонистов успевали даже заработать в расходный день копеек с десять. Вот за все это и любили кантонисты свой расходный день.

По пятницам учили «пунктикам». После обеда кантонисты рассаживались на нарах кружками по десяткам. В каждом десятке «пунктикам» обучает ефрейтор, вызывая по очереди своих учеников:

— Федотов! Как солдат должен стоять?

— Солдат должен стоять столь плотно, сколь можно, держась всем корпу...

— Стой! Не части! Сначала!

— Солдат должен стоять столь плотно!..

— Как это плотно стоять? На кирпичи! Достань из моего ящика.

Кантонист, хныча и напрасно умоляя о пощаде, достает из ящика ефрейтора мешочек с кирпичом, истолченным в мелкие кусочки, размером с орех. Кирпич рассыпают по полу.

— Засучи штаны! Становись!

Кантонист становится голыми коленями на истолченный кирпич.

— Теперь слушай и запомни, как должен стоять солдат: «солдат должен стоять прямо и непринужденно, имея каблуки столь плотно, сколь можно, подаваясь всем корпусом вперед на носки, но нисколько на оные не упираясь!» Понял?

— Так точно! Освободите, господин ефрейтор,—сил нет...

— Постой маленько. Запоминай. Петров! Сыграй застрельщикам рассыпаться!

— Та-та-тра-да-та-там! Та-та!—играет, подражая рожку, Петров.

— А какой припев к этому сигналу?

— «Рассыпьтесь, стрельцы, за камни, за кусты, по два в ряд!»

— Так. Семенов! Кто у нас военный министр?

— Генерал-ад'ютант, генерал от кавалерии, князь Александр Иванович Чернышев.

— Так. А кто я?

— Ты?

— Я тебе не ты, а «ефрейтор третьего взвода, Соколов». Становись на кирпич.

За «пунктики» кантонисты не любили пятницу, называя ее «проклятым днем». В субботу утром весь батальон выстраивался в манеже по натянутым веревкам на «три фаса». Приезжал Зверь, и начиналась маршировка батальона в полном составе. За всякую провинность тут же наказывали. После обеда в субботу мыли полы. Из спален выдвигались нары. И, выстроившись шеренгой с голиками на палках, кантонисты по команде протирали пол, политый водой и посыпанный опилками. Поливали и посыпали опилками три раза через час—и через три часа труда пол был бел и чист, как липовый кухонный стол у хорошей хозяйки.

Вымыв пол, отдыхали, чистились и чинились, готовясь к выходу в город на завтра. А утром вызывали из каждой роты по наряду несколько человек «парадных», одетых получше, и они шли под командой унтер-офицера в церковь. Затем слышалась команда «к артикулам». Все роты собираются в одну из зал команды и стоя слушают чтение «артикулов». Чтец за столом бормочет, торопясь, невнятно длинный список солдатских преступлений, выкрикивая четко и раздельно только последние слова каждого артикула:

— Прогнать шпицрутенами через сто человек три раза.

— Ссылается в каторжные работы на двадцать лет...

— Наказывается лозинами тремя стами ударов...

Чтение артикулов длится, пока не отойдет обедня и не вернутся «парадные» из церкви. Затем отпускные идут—кто домой, к родным, кто к знакомым, кто на базар покупать и воровать или, кто робкого десятка, побираться, выпрашивать милостыню. А те, кто остался в школе, затевают игры, кончая каждую игру дракой.

В одно из воскресений, когда уже была распутица, и ревизора ждать перестали, он и явился в город, а все решили, что он приедет уж на первом пароходе, когда вскроется река. Запряженная четверкою бричка ревизора была остановлена на базаре—из-за драки не было проезда. Конные драгуны палашами разгоняли народ; в толпе виднелись, кроме горожан и мужиков, в растерзанном виде пьяные солдаты и кантонисты. Завидя в лице приезжего начальника (он был в военной форме и важен собой), обыватели окружили бричку, и ревизор при самом в'езде своем в город вынужден был принять словесную жалобу на кантонистов. Из крика можно было понять одно, что кантонисты—разбойники, от которых нет житья. Ревизор крикнул в толпу, что он за тем и приехал и разберется во всем. Драгуны проложили экипажу дорогу в толпе, и ревизор проехал в дом предводителя дворянства, а не во дворец, где, предполагали раньше, было бы естественно остановиться приезжему князю, другу генерала. От базара ревизора провожал, стоя в своем тарантасе, запряженном парой с пристяжкой на отлете, городской полицмейстер. Он поддержал князя на подножке брички и, забежав вперед, распахнул дверь. Тут же в вестибюле, пока было доложено хозяевам о госте, полицмейстер об'яснил происшествие, которого невольным свидетелем оказался ревизор. Драка на базаре началась еще до конца обедни с того, что на базар явился совершенно голый и босой мужик и пожаловался народу, что его ограбили кантонисты. По словам мужика выходило так, что он, продав воз дров, выпил маленько, и к нему присучились два кантониста, предложив довести до постоялого двора, а вместо того завели на пристань под амбары и там, подпоив еще, раздели и бросили нагишом. Мужика взяли в кордегардию, а на базаре народ начал ловить кантонистов и избивать. Сторону кантонистов приняли солдаты гренадерского полка той же бригады генерала Севрюгова. Вся одежда мужика оказалась заложенной в кабаке на Волге и ее, отобрав у целовальника, вернули потерпевшему, а вырученные им деньги пропили.

Ну, куда я дену твой нос, скотина?

Выслушав этот доклад, ревизор приказал не отпрягать. Прибравшись с дороги и побеседовав с предводителем, сколько требовало приличие, ревизор тотчас поехал к командиру бригады...

Бригадный уже был осведомлен и о драке на базаре и о том, что князь приехал прямо к предводителю.

Встреча вышла неловкой. Севрюгов, одетый в полную парадную форму, встретил друга посреди зала. Тут они проговорили стоя несколько минут, меняя «ты» на «вы», и, чтобы сгладить неловкость, перешли оба на французский язык, к глубокому огорчению домочадцев генерала, которые, стоя за дверью, слушали беседу и по очереди разглядывали ревизора в скважину замка. Слушателям удалось уловить раза три повторенную ревизором фамилию капитана Одинцова, а зрители видели только затянутую в лосину ногу князя, нога нетерпеливо подрыгивала. Подслушивать еще мешал Сократ. Взволнованный пышным султаном на шляпе генерала, попугай раздувал хохол, хлопал крыльями и кричал:

— Кантонисты — мученики! Воры! Боже, царя храни! Жри сам! Мой единственный друг— Сократ—рекомендую!

— Забавная птица у вас, мой друг,—сказал, уходя, князь и улыбнулся, вероятно подумав:

— Боже, до чего можно низко упасть, живя в глуши!

— Я полагал, князь, что ты остановишься у меня,—сказал на прощанье генерал,—во всем дворце я один...

Голос старика дрогнул. Князь задержался и менее сухо ответил:

— Ты понимаешь, мой друг, что это одинаково неудобно, как для тебя, так и для меня, хотя я приехал ревизовать не бригаду, а только заведение кантонистов, но, ведь, и они числятся за тобой.

На прощанье они церемонно обнялись. Бригадный не провожал гостя, остался

в зале. Плечи генерала дрожали. Он плакал.

— Не пора ли рюмочку? — сказал Сократ.

13. ПУГАЛО

Вечером, в день приезда ревизора, городское общество в собрании, особенно дамы, только о нем и говорили. Ждали, что князь появится в собрании, но тщетно, и пришлось ограничиться тем, что рассказывали очевидцы. По их рассказам—князь статен, моложав, неимоверно мягок в обращении, но за этой мягкостью «скрываются когти тигра». Судьба капитана Одинцова поразила все сердца. Об этом говорили шопотом. Все было известно в подробности от супруги губернского жандарма. Явясь к ревизору представиться, он тотчас получил «предписание». Соседки Одинцова из-за занавесок своих окошек и из-за цветов видели, что к крыльцу дома, где проживал холостой жизнью капитан, подкатила фельд'егерская тройка. Из экипажа вышел фельд'егерь и жандарм. Они вошли в дом. Дверь им открыл сам Одинцов, так как денщик его был, ради воскресенья, на прогулке. Вот что произошло там по рассказу супруги жандармского офицера. Фельд'егерь предложил Одинцову собраться в дорогу, а жандарм приказал подать ему все бумаги и книги, какие были у капитана. Среди бумаг жандарм нашел стихотворение, написанное рукою Одинцова. Оно было ужасное—про барабан! Жандарм прочел стихи, запомнил то, что повторялось в них много раз:

Пугало людское, ровняй, деревянный,
Грохот барабанный, грохот барабанный!
Оглушит совсем нас этот беспрестанный
Грохот барабанный, грохот барабанный...

— Так вы пишете и стишки, капитан?—спросил жандарм.

— Нет, это стихи французского поэта Беранже.

— Но вы их перевели?

— Нет, и перевод не мой.

— Но они списаны вашею рукою, капитан?

— Да, моей.

После этого Одинцов надел плащ и сел в телегу. Фельд'егерь сел рядом с ним и крикнул ямщику «пошел!», ударив его по спине нагайкой; ямщик в свой черед ударил по коням; тройка понеслась, колокольчик зазвенел...

— Мой Мишель,—прибавила супруга жандарма,—очутился в глупом положении: на парадном крыльце, в парадной форме,—а на улице невылазная грязь. Можете себе представить, mes dames, в каком виде он вернулся домой—весь забрызган г р я з ь ю с головы до ног!..

— Отчего же, душечка, он не под'ехал до соборной площади на той же тройке, ведь, там уж извозчики и тротуары?

— Ах, что вы говорите,—ехать на тройке бочком, рядом с таким преступником!

— Куда же его повезли?

— Неизвестно. Быть может, в Сибирь, быть может, в Петербург.

Такое начало ревизии никому не обещало доброго. Ревизор действовал как-то по-новому, вопреки всем обычаям. До казармы батальона слухи о грозном ревизоре дошли в прикрашенном виде. Капралов тотчас разослали по улицам загонять кантонистов домой. Батальонному почему-то вообразилось, что молниеносный гость непременно явится сейчас же и в казарму батальона. Тотчас же по обычаю выбрали десяток самых рослых «красавцев» с исправными «масками» в ординарцы и вестовые к ревизору; они были все одного роста, все с русыми головами и серыми глазами—таков был обычай. Но он вернул сейчас же их назад, одарив по полтине, и сказал, что у предводителя и без того в доме тесно от прислуги. Это совсем сбило с толку и батальонного, и ротных командиров, и более мелкое начальство: ординарцы в таких случаях являлись осведомителями о том, что делает ревизор, как он живет, что думает предпринять. Теперь между домом предводителя и казармой батальона легла пугающая пустота. Все было неизвестно. Впопыхах батальонному не пришло в голову тотчас после первого известия явиться к ревизору самому, а вечером это было уже неудобно.

Надвигались сумерки, а между казармой и цейхгаузом все еще бегали люди с фонарями. Всему батальону выдали смотровую форму и новое белье...

Ротные командиры лично производили телесный смотр кантонистам при свечах: у кого находили расчесы или пятна—гнали на чердак столовой, одев в будничное платье. Грязное белье, рваные матрацы, пачканые одеяла в охапках, бегом куда-то на дальний двор таскали старые солдаты... Барабанщики держали наготове намоченные простыни,—так как, нельзя было обойтись в такой суете без наказания, а показать ревизору рубцы на теле от розог, значило вызвать его гнев; поэтому, кого надо было экстренно наказать, барабанщики накрывали тело мокрой простыней и секли через нее, что было и больней, но не оставляло на теле знаков.

Осиротелой ротой Одинцова занимался сам батальонный командир. Когда очередь дошла до Берка, батальонный узнал его и горестно воскликнул, освещая лицо кантониста:

— Ну, куда я дену твой нос, скотина! Срам! Какое может быть равнение во фронте при таком носе. Вахрамеев!

— Я!

— Что это за нос, а?

— Да, нос, действительно!

— Что с ним сделать?

— С кем? С носом? Не могу знать, ваше высокородие. Хорошо бы нос покороче.

— Не с носом, дурак, а с Клингером.

— Да, ведь, если до рифметики дойдет, так роте нашей без Клингера конфуз. Его на чердак нельзя сослать...

— Ну, ладно! Ты, братец, держи нос во фронте как-нибудь поаккуратней...

— Слушаю, ваше высокородие,—ответил Берко и отошел облачаться в чистое белье.

К ночи батальон одели. И тут к батальонному с испугом подбежал Онуча и прошептал, дрожа:

— Ваше высокородие!

— Что? Едет?!

— Никак нет! Зорю забыли пробить!

— Что?!—батальонный, как скошенный, упал на нару: зорю пробить забыли?. Забыли зорю пробить! Где барабанщики?

— Порют, ваше высокородие!

— Пропал! Пропал!—простонал батальонный,—дойдет до ревизора—зорю забыли пробить, зорю!

— Ваше высокородие! Не убивайтесь! Еще на закате чуть брежжит красная полоска... Извольте сами взглянуть из окна. Прикажите сейчас зорю пробить!—утешал батальонного Онуча...

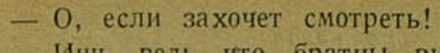
Зверь поднялся с нар и, подойдя к окну, увидал под сумеречной завесой неба как бы красную оторочку погасающей зари.

— Барабанщики, довольно пороть! На плац—зорю бить... Роты, строиться к заре!...

Суматоха затихла. На дворе тревожно и грустно выкрикнули рожки горнистов—и зарокотали барабаны.

Привычные звуки успокоили всех. После зори всем стало ясно, что ревизор не приедет ночью в батальон. Ротам приказали ложиться. Батальонный и ротные командиры покинули казарму. Больных и убогих вернули с чердака, так как морозцы по ночам ударяли еще порядочные. Суета и беготня с фонарями по батальонным дворам прекратились.

Напрасно капралы и правящие уговаривали кантонистов спать. Роты гудели ульем. Из этажа в этаж, из роты в роту шмыгали ефрейтора. Узнали, что Одинцова увез фельд'егерь. В четвертой роте собрались ефрейтора и капралы из всех рот на совещание. Перед каждым инспекторским смотром кантонистам приходилось раздумывать одно и то же: заявлять или нет «претензии», так как среди обязательных «пунктиков» в проклятый день—

пятницу, был и такой, что солдат имеет право «заявить претензию», пожаловаться на свое начальство. Пример прошлых лет показывал кантонистам, что пунктик этот—пустой: если претензия и об'являлась на инспекторском смотру, то виновное начальство отыгрывалось на пустяках, получая незначительные внушения и выговора, а после от'езда ревизора обрушивало гнев на жалобщиков.

Об этом и напоминали старые кантонисты.

— Только вздрючат лишний раз, ребята,—не советую заявлять претензию,—говорил Петров,—да и инспектор-то какой-то чудило—видали, даже ординарцев не принял!

— Тебе хорошо, Петров, ты своего достукался—в мастеровые выпускают, а нас еще сколько лет пороть будут,—возражали со стороны молодых кантонистов.

— Как претензия, так с каждым годом больше битья...

— Так это же есть геометрическая прогрессия!—отозвался Берко из-за спин ефрейторов, напоминая об уроках Фендрикова.

— Да, тебе, Клингер, хорошо с генералом рифметику решать!

— Конец и этой рифметике. Ревизор-то, говорят, его распатронил в чистую! Подавай, говорит, друг мой, в оставку: одно—рифметику делать, другое—бригадой командовать!..

— Уж очень обиды много на средце. Если ревизор — чудило, может быть, и выйдет что. Клингер, ты как на этот счет думаешь?

— Что мне думать, если я не ефрейтор...

— Ладно ломаться—захотел бы, давно бы лычки[1] нашили. Говори.

— Товарищи, тут есть выход. Нельзя г о в о р и т ь. А кто сказал, что нельзя м о л ч а т ь?

— Как же молчать? Ну, если инспектор скажет: «здорово, ребята!»

— А мы себе молчим!

— А он спросит: «почему не отвечаете?»

— А мы себе молчим!

— «Не имеете, скажет, претензии?»

— А мы себе молчим! Он-то поймет, в чем дело! Он спросит офицеров: а о чем же они молчат, будьте любезны мне сказать!..

— А они тоже «молчат себе»?

— Ну, и что же? «Если вы, скажет им, молчите, то я буду смотреть». И везде пойдет смотреть: в бане, в кухне, в погребе, на чердаке...

— Много он там увидит?

[1] Знак отличия ефрейторов, в виде нашивок на погонах.

— О, если захочет смотреть!

— Ишь, ведь, что, братцы, выдумал-то, паршивый чорт! В самделе, давайте все молчать?

— Это дело. Уж если молчать, начнем с самого начала. Скажите по всем капральствам, что завтра на смотру никому из начальства не отвечать.

— Значит, так, братцы, решили: претензии ревизору не заявлять и на все молчать.

— Ладно!.. Расходись, ребята, по ротам. Братцы, ложитесь все спать. Завтра денек будет ой, трудный!

(Окончание следует)

Бричка ревизора была остановлена на базаре

С. Третьяков

Рис. Б. Покровского

САМОЗВЕРИ

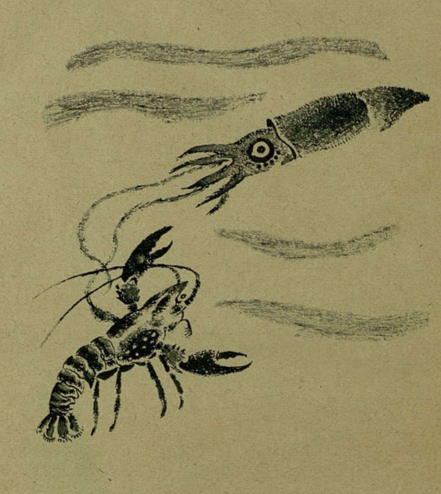
(Окончание)

5

Листья все с дерев пожрав,
У дерев живет жираф
С двухсаженной шеей,
Ест и хорошеет.
В доме жить ему едва ли:
Нос в трубе, нога в подвале.
С точки зрения
Отопления
Это неудобно.

Лелька с Колькой, нос задрав,
Повторяют нрав жираф.
Только ихняя жирафа
Дошагается до штрафа.
Ей не видно впереди:
Глаз у ней на груди.

Вот рак
Из каряг.
Лезь враг
Без драк.
С ним схва-тит-ся
Карака-ти-ца.
В воду вдруг
Краску — фук.
И вокруг — мрак.

Вражьи глаза
Залеплены тьмой,
А каракатица
Скоро катится,
Скоро катится!
Назад,
Назад,
Назад,
Домой.

В уголочек пятится
Катя - каракатица.
Катя смотрит из мешка
На врага исподтишка.
Вдруг
Враг
Прыг!

А навстречу
Прффф? —
А навстречу
Чуфффф!

6

Там, где волны катятся,
Гнездится каракатица.
Тело в роде купольца.
Два длиннущих щупальца.
Сев за каменную глыбу
Щупальцем хватает рыбу.
У нее для безопаски
Есть мешочек черной краски.

Прыжок, мяук, сумятица,
Ликует каракатица.
Полюбоваться не хотите ли,
Как радуются победители.

Занят Ванечка игрою
Скачет Ваня кенгурою.
Прыть у Ванечки большая
Только хвост ему мешает.
Да под Ванечкины танцы
Два щенка рыдают в ранце.

7

По Австралии в жару
Скачет легкий кенгуру,
Он умеет, как шестом
Помогать прыжку хвостом.
Он устроен хорошо
У него есть мешок.
Тот мешок на животе
Для малюсеньких детей.
Вот в мешке уселись в ряд
Пять веселых кенгурят.
И под скачь неистовую
Глазеют и посвистывают.

8

Двадцать верст в полчаса
Мчит орловский рысак.
Поднимает пять тонн
Мохноногий першерон.

В разукрашенной попоне
Ходит в цирке крошка пони.
Храброй конницы нужны
Быстролеты - скакуны.
Кто нас возит, хочешь знать?
Пашет ниву, тащит кладь —
Сивка, Гнедка и Пегаш
Вековой друг наш.

Чем не конь? Чем не конь?
Забрыкает — шпорой тронь.
Понесет
Он вскачь —
Седоку
Хоть плачь.
Но в вопросе пустом
У коня голова разошлась с хвостом.
Конец у ссоры был позорный
Конь разбежался в разные стороны:
Передок —
В коридор,
Зад—
В сад.
А наездник
На месте.
Сидит и плачет —
Что это значит?

НОВЫЕ ИГРЫ

Укрепляй память

Одному из участников предлагается в течение двух минут осмотреть комнату и запомнить все предметы, находящиеся на видных местах, обращая при этом внимание на их расположение. После этого осматривающий выходит из комнаты и во время его отсутствия некоторые из вещей переставляются и меняются местами друг с другом. Возвратившись на место, он должен заметить перемену, происшедшую за время его отсутствия. Если это ему удастся, то он получает право назначить по своему усмотрению следующего игрока и расположить предметы по собственному выбору. Если же память не позволит ему выдержать «испытание» в первый раз, то оно повторяется.

Ребята!

Самозвери мы печатаем не только для чтения, но и для того, чтобы вы использовали самозверей, как материал для игр пионеров и октябрят.

Самозверей можно выдумать бесчисленное количество. Сделать их, как видите по рисункам, легко.

Итак, ребята, играйте в самозверей. Как проходят игры, каких новых зверей выдумали—пишите нам.

Редакция

Урожай

На полу с двух сторон комнаты рассыпают по полу большие орехи или равные им по величине камешки. На каждого игрока их должно приходиться штук по 8—10.

По команде руководителя игры обе группы играющих, расположенные каждая у своих орехов, бросаются их подбирать и складывать в предназначенную для этого шапку, отдельно для каждой партии, лежащую на некотором возвышении. Партия, которая закончит сборку первой, признается победительницей.

При чем при определении результата игры орехи подсчитываются, и, если у победившей группы окажется нехватка, состязание считается несостоявшимся и повторяется.

Е. Бывалов (Зюйд-Вест) Рис. худ. В. ДОБРОКЛОНСКОГО

НА ТРАЛЬЩИКЕ

I

Сенька вырос на берегу Семжи.

На берегу Ледовитого океана, у входа в Мезинский залив, лицом к лютым штормам притулилась Семжа.

Летом, когда в Мезень густо заходит нежная семга, Сенька с отцом ловит дорогую рыбу, а под осень, перед самым зимним льдом—вкусную навагу.

Отец и дед у Сеньки—лоцманы. Кто не знает в Семже Кубасовых?

Стоит Сенька на берегу и смотрит, как отец выводит большой океанский пароход до верху нагруженный розовой пахучей сосной. Круглый год дует из хмурого Ледовитого океана на Мезенскую губу моряна. Нет ничего опаснее этого ветра. Срывает лютый норд-ост баканы, вешки, от свирепых штормов меняется дно. Ни один иностранный капитан, из тех, что поседели в море, ни за что не рискнет дорого стоющим пароходом. Ни один иностранный пароход не в состоянии ни войти, ни выйти из Мезени без лоцмана.

На мостике у штурвала сутулится фигура отца Сеньки.

Пароход разворачивается к выходу. Тучей носятся комары, облепили Сеньку. Лезут в глаза, в уши, в нос. Не может от парохода оторваться Сенька. Хочется знать, как возьмет отец, будет ли так держаться или возьмет другой курс...

На облупившемся от ветра веснущатом лице, кровь от раздавленных комаров. Опух глаз, мешает смотреть. Пароход подняло на крутой волне. Стал поворачивать.

Сенька буркнул:

— Так и есть, встрик полночнику...[1]

За полярным кругом, на берегу Северной Двины лежит далекий русский порт—Архангельск. Хорошо знают иностранные моряки этот порт.

В клубе моряков, где мелькают золотые пуговицы щеголеватых английских штурманов и поблескивают на рукавах нашивки аккуратных голландцев, где сдержанно-медлительные пропахнувшие душистым кэпстеном[2] и карболовым мылом англичане не горячась спорят о всеобщей забастовке, где читаются газеты, там, утопая в клубах ароматного трубочного табаку, пестро сгрудились над шахматной доской матросские кепки.

Играют двое. Один розовый, гладко выбрит, глаза цвета скандинавских озер. В зубах трубка. Подпер рукой упрямый подбородок. Уставился в доску, обдумывает ход. Это Рыжов — капитан рыболовного тральщика Севгосрыбтреста, «Вьюга», другой жилистый, сутулый, скуластый, с лицом красной меди, рыжая бороденка, маленькие прищуренные глаза. Поморы—народ молчаливый.

Капитан спросил:

— На интерес, что ли?..

Лоцман вскинул острые глаза:

— Можно.

Нет в Мезени человека, который не мечтал бы об Архангельске.

Лоцману Кубасову с большим трудом удалось вырваться из тундровой Мезени. Давно зародилась у лоцмана мысль устроить сынишку на тральщик[3], к дружку своему, капитану Рыжову.

Правда, работа тяжелая, по 18 часов в сутки, зато платят хорошо. Выучится, тральмейстером будет.

Возьмет, аль нет?.. Возьмет... Не первый день они знают друг друга... Вместе ходили в Лондон, Варде, в далекую Барселону...

Сейчас они сидят в уютном клубе моряков за шахматной доской, а Сенька в читальне. Перед ним большой, толстый английский журнал, гибель картинок. Чего, чего там только нет? Пароходы, парусники, война французов с риффами, все на свете... Сеньке обидно и досадно, напечатано, а не поймешь.

— Нашему брату без аглицкого нельзя,—думает Сенька.—Обязательно выучусь...

В другой комнате за шахматной доской капитан Рыжов. Не торопясь, обдумывает капитан каждый ход. Если промазать партию, ребята засмеют.

Первым шахматистом считается капитан с «Вьюги», кроме того придется взять мальченку, такой уговор. Оно, конечно, Сенька парень смышленный, лишний зуек[4] не помешает, только с этими зуйками хлопот до чорта. К тому же, отчего не услужить дружку, старому соплавателю. Еще будучи матросом много раз выручал Рыжова Артем Кубасов. Решил:

— Возьму... Пусть поплавает... Попривыкнет, отцу подмога. Одно обидно, ребята зубоскалить будут. Ну, да шут с ними, пусть...

Третий день, как отданы концы с Архангельских портовых причальных тумб.

Третьи сутки, как тралит рыбу «Вьюга». Слегка покачивает «Вьюгу» на пологой волне. Только что выбрали голосистой лебедкой громадный невод. Из большущей мотни посыпались на палубу: водоросли, треска, зубатка, палтус, пикша. Рыба трепыхается, бьет упругими, сильными хвостами. Команда, не отрываясь, методически рубит, потрошит и бросает рыбу для засолки в трюм. Работают молча, изредка перекинутся шуткой, и так по 18 часов в сутки... Остановиться нельзя, завалят палубу. В каждом под'еме от 200 до 300 пудов рыбы. И так изо дня в день.

Работают все.

Сенька сдружился крепкой дружбой с тральмейстером. Полжизни проплавал тральмейстер с норвежцами и англичанами. Считается самым знающим во всей флотилии Севгосрыбтреста.

Старый тральмейстер выучил Сеньку стоять на лебедке, и стал Сенька лебедочным.

— Заморишь парня,—буркнул боцман.

Тральмейстер огрызнулся добродушно в бороду:

— Черти его не возьмут, а богу он не нужен...—сдвинул лохматые рыжие брови, глазами сверлит:

— Ты у меня смотри в оба, а то...

Сенька сплюнул через губу:

— Ладно, не маленький...

У Сеньки работа не трудная, но требует внимания и сноровки. Подымая под'ем за под'емом, Сенька горд от сознания важности выполняемой им работы. Ведь стоит ему, Сеньке, дернуть за этот рычаг, или повернуть вот это чугунное колесико не в ту сторону, и вся эта рыба, что в неводе, пойдет обратно в море. Сеньке ужасно захотелось, чтобы его в эту минуту увидел приятель Филька из пионерского звена «На вахте».

Грохочет, тарахтит, заливается веселая лебедка. Сенька утонул в облаке пара.

Тральмейстер поднял руку, медленно покрутил в воздухе указательным пальцем. У Сеньки рука на регуляторе.

— По-ма-ллу!..

Стал прикрывать пар. Глазами в тральмейстера, что гусь на молнию. Тот поднял волосатую руку твердой, как доска, ладонью вверх.

— Стоп!..

---

[1] Направление компаса.
[2] Кэпстен—английский табак.
[3] Тральщик—рыболовное судно.
[4] Зуек—мальчишка поваренок.

Сенька смотрит, как отец выводит океанский пароход

Сенька четко выполнил приказание. Привычной рукой закрыл пар, вывернул мотню. На палубу посыпалась груда серебряной рыбы. Извиваясь в мутной слизи и жире, синеет акула. Топорщится плавник, цвета вороненой стали. Мелькнуло белое брюхо, акула хлопает жабрами, открыла страшную пасть и три ряда острых зубов.

Сенька выпучил глаза. Подошел поближе.

— Берегись!..—крикнул сердито боцман.

Поздно. Двинула Сеньку акула хвостом по ногам. Света не взвидел. Мальчугана с силой отбросило в сторону. Головой угодил в ватер-вейс. Из носу кровь...

Прихрамывая, Сенька подошел к матросу, рубившему рыбьи головы. Умоляюще протянул:

— Дя-день-ка!..

Блеснул зубами помор. Добродушно громыхнул:

— А ты ходи, да оглядывайся...

— Дя-день-ка!..

— Ну, чего еще?..

— Отдай мне голову...

Руками, что корневищами, матрос занес топор и ж-жах!..

Немного не отхватил... Хлынула кровь. Рыба бешено забила хвостом. Матрос, улучил момент и ударил второй раз со всей силы.

Отлетевшая акулья голова щелкает зубами.

— На, получай, не жалко,—сказал помор Сеньке.

В кубрике душно. Не сидится Сеньке на одном месте. Вылез на палубу. Охватило Сеньку студеным ветром. Заглянул к радисту, отмахнулся слухач:

— Некогда, не мешай!..

Нырнул в кочегарку. Не терпится, охота взглянуть, может быть уже высохла акулья челюсть. Подумал: хоть бы поскорей сохла, что ли... Придем в Архангельск, надо сдать отряду... А то засмеют ребята, скажут—зря трепался.

Сенька стал карабкаться на котлы. Жжет руки. Кадки с мусором шарахнуло одну об другую. Загремел железный гребок. Увернулся Сенька, чуть не убило.

Кочегар Мартыныч шугнул мальчика:

— Черти тебя тут носят!

Сенька кошкой шмыгнул по трапу, насилу выбрался наверх. Ухватился за вентилятор. Привычными глазами вонзился в горизонт. Что-то маячит.

— Так и есть шхуна...—подумал Сенька.—Не видят, что ли?..

Косматыми гривами вздулся океан... Дует норд-ост. Тысячами глоток ревет шторм. На палубе не устоять... Нос взлетел в хмурое свинцовое небо.

Сенька карабкается на мостик — там капитан. Отрывает Сеньку от поручней, обдает ледяной зыбью, еле взобрался. С правой стороны мостика стоит капитан. Горой взлетает мостик. Сенька улучил минуту и двинулся к капитану, но не рассчитал и стукнулся об капитанское колено. Сенька кричит во всю мочь:

— Ле-во по но-с-уу!..

Не слышит капитан. Не перекричать Сеньке шторма. Бешеный норд-ост рвет слова, уносит вдаль. Рванул капитана за рукав. Ткнул влево... Капитан приставил к глазам новенький бинокль Цейсса. Разобрал—навстречу шхуна. Одной мачты нет, сломало штормом.

Капитан бросился к штурвалу и рявкнул:

— Прав-во! Больше прра-вво!..

— Есть право!..

Несется шхуна... Не сворачивает... Бросился капитан к свистку, дернул за шнур. Завыл свисток, захлебывается паром...

Не слушает шхуна... Прет напролом... Капитан сообразил, что сломан руль... Вот шхуна совсем близко, на палубе ни души.

Промелькнула... Осталась позади...

. . . .

В эту памятную ночь, в радио-трубке слухач перехватил жуткое «SOS» [1].

Погибал английский пароход «Саут-Кросс» из Кардиффа. В диком вое сумрачного океана то тут, то там, до последней минуты, пока вода не зальет пароходных топок, будут взывать:

— «Спасите наши души!..»

Сегодня в последний раз на «Вьюге» тянут трал.

Тарахтит лебедка. Из медных краников облака молочно-белого пара.

— Продул и будет! Закрой!.. Закрой, а то ничего не видать...

Сенька завернул краники. Показалась из воды мотня. Рыбы, что кот наплакал. Двенадцать матросов таращат глаза, уставившись в невод. Тральмейстер выругался и крикнул в машинный люк:

— Африкан Иваныч, вались наверх!..

— Ну, чего еще?..

— Ходи живо, увидишь!..

Толстый Африкан Иваныч вылез весь в горголе, в машинном масле и уставился в невод.

На дне невода, в тине, в густой зелени водорослей, обросшие мхом, среди мелкой рыбы, лежат два ящика. У Сеньки вырвалось:

— Не иначе, как наганы!..

Громыхнули хохотом простуженные глотки:

— Хо-хо-хо, ты скажешь!..

— Ну, медикаменты, хина, или еще что...

— Брось звонить!..

— Чего звонить?—не унимался Сенька.

— При англичанах ребята с Корзихи, часто находили в реке...

— То в реке, а то в море...

Из кочегарки показался кочегар.

---

[1] Начальные буквы слов «спасите наши души», условный знак бедствия на море

— Хорошо, кабы виска,—вздохнул кочегар.

Боцман сплюнул набежавшую слюну, хлопнул кочегара жесткой ладонью:

— Эх, и долбанули б!..

Повернулся к Сеньке.

— Крой, паря!..

Загремела лебедка.

— По-мма-лу!..—рычит тральмейстер, а сам думает: «Хорошо сейчас с холоду да с сырости лампадочку...» Спохватился:

А, чорт, должно в бутылках... Ящики-то худые.

— Помалу, чорт курносый, тебе говорят!..

Кочегару нельзя бросить кочегарку. Нельзя отлучиться. Стоя на железной решотке крикнул:

— Выбирай оттяжку, идол суздальский!

Тральмейстер поднял руку. Показал мозолистую ладонь.

— Стоп так!..

Притихла лебедка.

Механик заволновался:

— Руками придерживай! У, чорт лопаухий, руками говорю. Вишь, доски прогнили!..

Не договорил:

— Трах!..

Рассыпались ящики. Загремели по палубе жестяные коробки.

— А, чорт!..

— Что, выпили?.. Сенька торжествующе крикнул и стал подбирать консервы.

Не выдержал тральмейстер, цукнул.

— Цыц, ты, курносый!..

Последний раз сегодня на «Вьюге» вытаскивают трал. Пора [ко дворам. Небось ждут не дождутся. Полные трюмы жирной рыбы, девать некуда.

В кочегарке шуруют. Торопятся домой.

Никак не может понять механик, что за погань завелась у него в каюте. Стоя на вахте в машине, размышлял:

«Воняет... Может быть «Бойка»?.. Так нет, он пес сознательный... Судовой пес. Который год плавает»...

Наконец, решил:

«Сделаю генеральную уборку»...

Перед приходом в порт, содой, жидким мылом вымыл белую краску. Горит каюта, что чортов глаз.

Потянул носом:

«Воняет, хоть ты что хочешь делай, не иначе, как за обшивкой сдохла крыса».

Зыкнул в иллюминатор:

— Сень!..

— Есть...

— Вот что, Сень, у тебя рука потоньше... тебе сподручней... Понимаешь, вонища развелась, страсть... Аккурат под койкой, там, где паровое отопление. Мне никак не достать. Нипочем, пробовал палкой — не выходит...

У Сеньки виновато забегали глаза. Он втиснулся под койку и обыскал все вокруг:

— Африкан Иваныч!.. Я кругом лазил... там никакой крысы...

— Ну мышь?..

— И мышов нету...

— А вонища отчего?.. Ты потяни носом, носом потяни...

Сенька шмыгнул носом.

— Действительно, так, что дух тяжелый...

— Ну, что, не видать?..

— Я б сказал, да вы заругаете...

— Чего там заругаете? Ты толком говори, есть?

— Есть...

— Что?..

— А-а-ку-ла...

— Что-о?.. Ах, язви-те!.. ты чего это, смеяться задумал?!

— Не-е, я-я правду... говорю...

— Говори, что там воняет?..

— А-а-кк-улья-ча... пасть... Сушить положил... мне нельзя... Надо доставить в отряд. Я ребятам обещал... слово дал... Потому, как мы натуралисты...

Захохотал механик:

— Ах ты, на-ту-ра-лл-ист!.. Вылазь... Не трону... Ну, вылазь!..

Потрепал по встрепанной голове...

— Ах ты, дурья голова!..

По приходе в Архангельск, Сенька отпросился на берег. Сохраняя собственное достоинство, поднес кружку натуралистов акулью челюсть.

Окружили Сеньку.

— Глянь, ребята, здо-ро-вая....

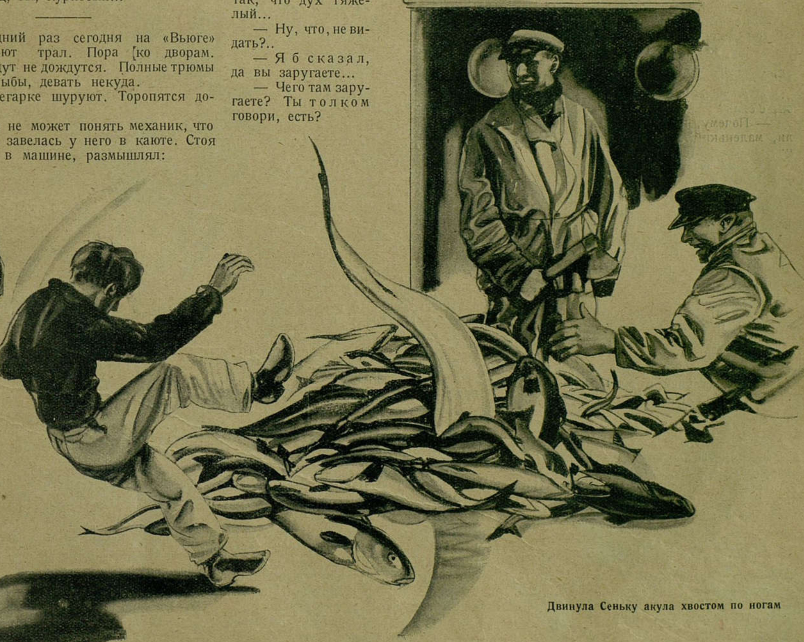
— А зубища... вво!..

— И впрямь приволок!..

— Ай да, Сенька!..

— Не зря трепался...

— Раз Сенька пообещал... кончено..— буркнул Сенька.

Двинула Сеньку акула хвостом по ногам

А. Маслов

Рис. худ. С. Лодыгина

По первому снегу

— Постой, постой!.. Ну, куда ты с дороги?—заорали в один голос ребята.—Провалишься!..

Они смотрели вслед своему вожатому Гвоздю, который скрылся где-то внизу. У дороги сразу начинался овраг с крутым спуском.

— А-а-хх!.. — радостно захлебнулся Гвоздь. Так кричат, когда бросаются с полного разбега в холодную воду.

— Гвоздь! Гво-о-оздь!.. Где ты?

— Гебята-а, а-оо!.. Вались сюда!..—кричал он далеко внизу.

— Ну, как, а?.. Кто первый?

— Да, ведь, завязнешь!.. Как он, идол, проскочил!

— А почему же завязнешь? Как же он, с'ехал?

— Почему, почему. Не понимаешь, что ли, маленький... Да, ведь, снег-то рыхлый, ну, и в'едешь по пояс...

— Э-эх, была—не была!.. Ну-ка, расступись!..—И Сенька Егоров взмахнул огромными ушами своей шапки, как крыльями.

Ребята подались вперед и впились в Сеньку. А тот легко скользнул вниз, как будто не касаясь снега...

— Молодец Сеня!.. Ура-а!—закричали десять ребячьих глоток.—Ну, кто следующий?..

— Я!..

— Я, я!..

— Я, я, я!..

Каждому захотелось спуститься раньше других. Они толпились на краю оврага, наступали на лыжи и мешали друг другу.

— Ну, стройся в затылок!..

— Петров, катись!..

— И-эхх!..

— Ванька, ты!..

— Поехал...

— Эх, ты...—вдруг запрыгали оставшиеся,—сосулька.

Ванька Локтев на крутом спуске не удержался и волчком полетел на бок; вокруг него взвилось белое облако.

— Эй, поворачивайся, едет!..

Наконец все спустились.

— Ну и пионеры,—смеялся вожатый Гвоздь,—испугались...

— Да мы думали, что провалимся...

— Ты думал... А что ж ты не знаешь, ведь, ты на лыжах... Голова!

— Гвоздик, а почему же это на рыхлом снегу и не проваливаешься, если на лыжах?

— А вот ты сообразика: вот если взять гвоздик и вотк...

— Ха-ха-ха!—загоготали ребята.—Это тебя, что ли?

— Эх-х, черти!.. Да нет,—засмеялся вожатый,—ведь, я—Гвоздь, с большой буквы пишется—фамилия, а то гвоздик железный, острый... Ну, вот... если взять такой гвоздик и воткнуть боком в снег, то он легко войдет... правда? А если положить большую доску, то она не пойдет... Почему? Ну, вот... потому что, ну, понимаете, ведь, она большая доска-то... Ну, и лыжа, она, как доска, и тоже не тонет в снегу... Вот взять, например, иголку, как она, если тебе в палец, пройдет?..

— О-о-о...—неопределенно потянули ребята.

— Ну, вот,—сказал Гвоздь,—а если толстую палку, пройдет она в палец?

— Нет...

— Вот в этом и вся штука. Лыжа не проваливается, значит, потому, что она широкая... Ну, айда... Едем дальше!

Лыжники растянулись лентой. Впереди Гвоздь, а за ним поодиночке остальные. Шли хорошо. Кругом было тихо. Деревья были сплошь укутаны большими шапками снега. Все дальше и дальше. Наконец, сзади стали кричать:

— Гвоздь, эй, Гвоздь, остановись!..

— В чем дело?

— Отдохнуть.

Остановились. Собрались в кучу. Из открытых ртов клубился пар.

— А ну, ребят, отгадай, что это у вас изо ртов валит?

— Пар!.. па-ар!..

— Эк, загадку загадал, я думал труднее...

— А вот и не отгадали. Что?...—дразня, засмеялся Гвоздь.

— Как не отгадали, а что же это?—закричали ребята.

— Ага... Это совсем и не пар. Разве пар виден бывает, когда мы в теплой комнате? Ну? А вот здесь холодно, так пар в капельки превращается, поэтому виден. И это значит, вода. Ну, ладно, тронули, что ль?

— Поехали!..

Опять лента ребят побежала вперед. Плавными движениями они раскачивались, то нагибаясь, то закидываясь назад. Все молчали и усиленно сопели носами, раздувая легкие свежим, здоровым воздухом. Взмахи их рук, движения тела, глубокое дыхание—одно дополняло другое, а все вместе было прекрасным физическим упражнением на воздухе. Ничто не может быть полезнее такой прогулки на лыжах.

Свернули в поле и пошли по гладкой белой поляне снега. Кое-где виднелись на ней темные пятна.

— Гвоздь, что это?—спросил кто-то из ребят, указывая на эти пятна.

— А ты не знаешь! Вон глянь-ка, где они находятся. Видишь, на буграх, где ветер дует сильнее. Ну, и, понятно, сдувает снег оттуда, вот эти плешины и получаются.

— А, ведь, это для посева плохо.

— Конечно; вот если тут есть зеленя, то они могут вымерзнуть и пропадут. Хотя и не всегда бывает, что пропадают,—добавил Гвоздь.

— Вот хуже, если оттепели бывают, да где-нибудь в ложбинке собирается вода, а потом обратно она замерзает; ну и, конечно, зеленя пропадут. Это уж наверняка.

— А почему?

— Да, ведь, чудак-человек... Ну как же! Ведь, вода, например, зальет вот маленький росточек, а потом замерзнет, понимаешь? Ну, вот и этот росточек тоже замерзнет вместе с водой, а он, ведь, нежный, мороза не переносит, вот и готов, понимаешь?

— Постой, а как же под снегом не замерзают росточки?

— Ишь ты... Да, ведь, тут, понимаешь, сверху-то снег... Понял? А снег, он вроде, как одеяло, под ним мягко и не дует. Росткам хорошо под снегом, через него холод почти не пролезает к ним. Вот они и сохраняются. Это, брат, понимать надо...

Пошли дальше. Вдали попалась насыпь железной дороги и будка.

— Ребят, пойдем на будку, там отдохнем, закусим и двинем дальше. Согласны?—спросил вожатый.

— Согласны.

У будки Гвоздь остановился и стал смотреть вверх, на верхушку голого дерева.

— Что там, Гвоздь, а?

— Гвоздь, что?..

Все ребята подняли головы и стали глядеть туда же, куда смотрел и Гвоздь.

— Иш-шь т-ты...—таинственно шептал он.—Ловко!..

— Да что там, Гвоздь? Скворец, что ли?

— Какой там скворец, не знаешь разве, что скворцов зимой не бывает.

— Ну, а что ж ты уперся в скворешник?

— Вот то-то и оно, что вы, ребят, ни гвоздя не понимаете... А дело простое, вот... вы говорите —скворешник... Какой же это скворешник! Э-хх ты...—сокрушенно протянул Гвоздь,—это кормушка для птиц, вот это что...

— А зачем это?

— Опять-таки чудак!.. Как же без этого? Эй, дядя, дядя!—закричал вдруг Гвоздь,—чья кормушка?

Путевой сторож остановился и увидел ребят. Он подошел к ним и, заметив красные галстуки, улыбнулся в бороду.

— У меня тоже вот такой, с красным галстуком. Ну, добрый день,—сказал он.

Ребята поздоровались.

— Вы про кормушку... Да это сышкина. Он там в пионерах выучился; говорит, птиц надо сберегать, для крестьянина они большую пользу имеют... Да лучше он вам сам расскажет. Я пришлю его сейчас.

Вскоре из желтого домика выбежал мальчик и, на-ходу застегиваясь, направился к ребятам.

Обменялись приветствиями.

— Вот мы хотели узнать у тебя, что это за штука такая...—сказал один из ребят.

— Для чего она?

— А кто ее сделал?

— Это—кормушка для птиц, ее сделал я. Наш отряд осенью принял шефство над птицами. Мы постановили, чтобы каждый из нашего отряда оберегал птиц.

— Вот что, товарищ, нельзя ли нам погреться у тебя, а то мы порядком зазябли,—сказал Гвоздь,—а там ты уж порасскажешь про ваше дело.

Новый знакомый обрадовался случаю оказать услугу товарищам и повел их к будке.

Несмотря на тесноту, все чувствовали себя прекрасно. Все внимательно слушали рассказчика.

— Мы не знали ничего,—говорил он,—но наш вожатый предложил. Мы обсудили и решили, что зимой много пропадает птиц. Они не имеют пищи. Поэтому их надо кормить. А птицы полезны в сельском хозяйстве. Мы стали устраивать вот такие ящики,—и он достал из-под лавки,—тут, спереди, доска не доходит до низу, а тут, сбоку, стекло, а вот дно с площадкой; сверху я насыпаю зерна и они высыпаются немного на площадку, я привешиваю этот ящик где-нибудь повыше, и птицы прилетают и едят корм. Когда они все с'едят, то из ящика на площадку высыпается новое зерно.

— А, ведь, его же снегом может завалить?—спросил кто-то.

— На обязанности каждого пионера нашего отряда лежит—следить за порядком в его кормушках, чтобы был корм, чтобы было чисто; у меня две таких вот кормушки и две бутылки. И раз в неделю я все их обхожу.

— А что такое бутылки?

— Это тоже кормушки для птиц, они сделаны не из ящика, а из бутылки.

— Как же это?—спросил вожатый.

— Я привязал на дерево площадку; насыпал в бутылку зерна и опрокинул ее над площадкой; тогда из бутылки насыпался бугорок зерна; он насыпался такой, что закрыл собой бутылку, и зерно не высыпалось; теперь я бутылку привязал так к дереву. Если птицы понемногу с'едают зерно, то из бутылки высыпается новое, и это до тех пор, пока в бутылке есть зерно.

— Вот ловко! — удивился Гвоздь.

— А это ты сам придумал?—спросил Жильцов, особенный любитель птиц.

— Нет, это не я... я читал. А, кроме того, на кормушках мы и наблюдаем за жизнью птиц,—когда какие прилетают, за их повадками.

* * *

На обратном пути Гвоздь сказал:

— А не сделать ли и нам это в своем отряде, а?

Все ребята поняли, о чем говорил Гвоздь.

— Обязательно.

— Это нужно...

— Сделаем, Гвоздь, ты предложи...

— Ладно...

И дома, укладываясь спать, Гвоздь все повторял:

— Иш-шь т-ты!.. Ловкие ребята, молодцы!.. Надо устрить!

Ник. Асеев

Лыжники

Мороз румянец выжег
Нам огневой,
Бежим, бежим на лыжах
Мы от него.

Второй, четвертый, пятый...
Скорей, скорей.
Лети, лети, не падай:
Конец горе!

Закован в холод воздух,
Аж дрожь берет;
В глазах сверкают звезды,
Вперед, вперед!

Вокруг седые ели,
Скользи нога;
Как белые постели,
Лежат снега;

И тонкие березы—
Лишь оглянись—
Затянуты в морозы,
Поникли вниз.

На озере синеет
Тяжелый лед,
Припустимся сильнее
Вперед, вперед!

Легки следы от зайцев
И от лисиц:
Ты с ними состязайся—
Вперед несись.

Чтоб, если ветер встречный
В лицо задул,—
Склонился ты беспечно
На всем ходу.

На всем разгоне бега,
Быстр и хитер,
Схватив охапку снега,
Лицо натер.

Чтоб крякали сороки
От тех отваг,
Чтоб месяц крутторогий
Скользил в ветвях.

Чтоб в дальних или ближних,
Глухих краях—
Везде скользила, лыжник,
Нога твоя.

Чтоб все на лыжи вставши
В сплошной черед,
От младших и до старших
Неслись вперед!

В НАШЕЙ ШКОЛЕ

ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

У нас в школе есть учком, в который входят представители всех кружков, обществ и групп.

Еженедельно созывается заседание членов учкома, на котором заслушиваются отчеты представителей о проделанной работе кружков, утверждаются планы работ, обсуждаются вопросы о постановках спектаклей, о стенной газете.

По школе ежедневно дежурит член учкома. Он не присутствует на уроках, так как должен следить за порядком в школе; у него ключи от раздевальной, от входной двери, он записывает опаздывающих. Отчет о своем дежурстве дежурный заносит в дневник учкома, который разбирается на заседании учкома не целиком, а только наиболее важные вопросы, например, хулиганство и все происшествия. Обсуждаются вопросы об отдельных учащихся, плохо проявивших себя в чем-нибудь, и выносятся отдельные постановления о них.

Что касается группового комитета, так о его работе почти нечего и говорить: она мала, почти незаметна. Группком состоит из 3-х членов: представитель в учком, в комитет содействия школы и в школьный совет. Они посещают заседания этих органов, проделывают некоторые их задания в группе и отчитываются в своей работе на групповых собраниях, которые, нужно сказать, до замечательного редки...

Староста группкома следит за порядком и дисциплиной группы, поддерживает тишину на конференции и т. д.

Наши кружки

Художественный, хоровой, драматический, спортивный занимаются в клубный день с одиннадцати утра до часу дня.

Хорошо налажена работа драмкружка: провели уже несколько платных постановок в пользу школы. Каждый четверг проводят занятия, игры, шарады.

Работа художественного кружка тоже велика: три зала и литературная лаборатория украшены большими, хорошо выполненными плакатами, портретами и картинами.

Стенная газета

Подбор материала в стенной газете хороший, вполне охвачена работа кружков и всей школы; по размеру газета небольшая, так как мало ребят принимают в ней участие.

Это одна из больных сторон школьной печати вообще. Чем об'яснить это явление? Некогда ребятам; надоело ли, или просто не охота, — неизвестно... Вообще же газетой интересуются: читают, разбирают все вопросы детально, обсуждают, критикуют. Пишут в нее в большинстве случаев одни и те же ребята. [Редколлегия состоит из кружковых представителей. Материал печатают на машинке, что очень удобно и привлекает много читателей.

В школьной раздевалке

Читальня

Два-три раза в неделю открывается по вечерам читальня, в которой имеются всевозможные журналы, газеты и мелкие брошюрки. Посещаемость читальни довольно большая. Особенно интересуются газетами, как самым свежим материалом.

Санком

За чистотой в школе наблюдает санитарная комиссия, состоящая из групповых представителей и добровольных членов. Каждый день по школе трое дежурных санкома: в верхнем зале, среднем и нижнем. В перемену проветривают школу, следят, чтобы ребята не сорили, чтобы сторожихи во-время мели и мыли пол; перед уроком проверяют чистоту рук учеников, чистоту платья, обуви. Создан сануголок, имеются две доски здоровья с соответствующими правилами, лозунгами и т. п.

Работой санкома руководит прикрепленный к школе врач, дает ему инструкции, разного рода указания, поправки.

Организовали завтраки

Ячейкой «Друзья детей» в школе организован буфет, который торгует в большую перемену (30 минут) бутербродами, чаем, сайками. В буфете дежурят члены ячейки. Ученики, заплатившие 70 коп., могут в течение месяца пользоваться завтраком. Буфет в школьной жизни имеет большое значение и в этом отношении для учеников большое удобство: не таскать с собой из дома завтрак, не бегать в перемену по лавкам. Некоторые пользуются завтраками в кредит.

Прививаем трудовые навыки

Следует отметить также и работу переплетной и столярной мастерских при школе. Многие ученики вполне самостоятельно и хорошо переплетают лабораторные и библиотечные книги. Столярная мастерская изготовляет для школы некоторые приборы, нужные для лабораторий, рамки к портретам и др. вещи.

Раньше этими мастерскими руководил один из преподавателей, но теперь его заполучить не удалось, так что пока справляются сами ученики. Но, несмотря на это, работа неплоха.

Высылали из класса. Парень показывает язык товарищам. Хорош? неправда ли

Живой уголок

Очень ценной и большой считается работа естественного кружка: им создан целый естествоведческий кабинет, со множеством приборов, минералов, растений, чучел, препаратов. Естествознание проходим не только в теории, но и на практике. Кружком создан живой уголок, довольно большой по количеству птиц и животных.

Томск, школа им. Октябр. Революции.

Деткор **Ан. Кочева**

НЕТ ФОРПОСТА

Прошлый год при школе второй ступени существовал и работал форпост, а теперь—как в воду канул. Нет его... И ничего не слышно о его организации. В прошлом году он сумел завязать письменную связь с другими форпостами. Повел работу в деревне. Было устроено три выезда в соседнюю деревню. Там в школе организовали уголок пионера, проводили беседы; деревенские ребята хорошо относились к своим городским товарищам, возникли дружеские пионерские отношения. Деревенские пионеры были всегда рады нашему присутствию.

А к весне прошлого года работа развернулась еще шире: была поставлена одна пьеска пионерскими силами на конференции учащихся города.

Ребята хотят работать, хотят организовать форпост, но что-то мешает. А что — неизвестно. Многие ребята - школьники другого мнения о пионерах, чем раньше. Они, не видя их работы, относятся к ним отрицательно; да и сами пионеры иногда на уроки опаздывают, школу не посещают.

Ребята думали добиться толку у вожатого-комсомольца, каждый раз теребят его:

— Мить, ну как же это насчет форпоста? — кричит один.

— Организуем и поведем работу, только нынче форпост будет работать под руководством не школьной ячейки, а городской.

— Да как же, Мить? Ведь, удобнее работать со школьной!—пристают ребята, крича ему вслед.

— Не знаю. Спросите у секретаря школьной ячейки,—убегая, роняет слова, вожатый.

Не удовлетворились ребята... Время идет. Авторитет пионерский теряется. Обращаются к секретарю школьной ячейки.

Но и секретарь, Женька, отделывается теми же бесполезными словами:

— Не знаю... Подождите... Спросите у Митьки...

— Надоело уже спрашивать,—возражают ребята.

— Не знаю... Не знаю... И так дел — полная груда...

Желание вступить в него пока все еще есть. Ребята желают работать, но ждут, пока разрешат организовать, а сами они не могут.

Вожатый! Школьная комсомольская ячейка! Поспешите поскорее создать форпост, пока есть желание у ребят вступить в такой, а то пропадет желание и форпост отойдет в область предания. Помните, что форпост является проводником ленинского воспитания ребят в школе.

Спас-Деменск. Деткор **И. Журавлев**

Игра на большой перемене

СЕКЦИИ ВМЕСТО КОМИССИЙ

В настоящем учебном году, во многих астраханских школах работа самоуправления переносится на секционный метод. Этот метод во многом отличается от старого, выборного.

При старом методе работы самоуправления выбранным давалась та или иная обязанность, которую приходилось им выполнять. Но наблюдалось, что не у всех выборных было желание работать, а если и было, то не в той отрасли, на какую выбирали. Кроме того, работа на правах выборности не охватывала большинства учащихся.

При секционном методе работы вместо комиссий организуются секции. Школьники работают в них добровольно, кто хочет. С одной стороны, это втягивает в общественную работу много ребят, и, с другой стороны, каждый интересуется своей работой. Ведь, в секции записываются добровольно. Где интересует, там и работаешь. Этим же устраняется и перегрузка—работающих, ведь, много. Конечно, лучше было бы, если бы каждый учащийся состоял в одной секции, чтобы не распылять своих сил.

А когда секции уже организованы, из членов выбирается бюро, которое и руководит всей работой секции. Состав бюро—3 человека: председатель, секретарь и заместитель. Для лучшей работы секций школьный совет выдвигает преподавателей для руководства секциями.

Раньше учком выбирался, а при секционном методе составляется из председателей бюро секций, председателей школьных кружков, председателей классскомов и др. органов самоуправления.

Вот в кратких чертах сущность секционного метода.

Как же он проводится на деле?

В I опытно-показательной школе, на общем собрании учащихся и преподавателей, в начале занятий было решено, какие секции будут существовать в школе; были выбраны организаторы секций, которым поручено всю организационную работу закончить в две недели.

Вскоре после собрания организаторы об'явили запись желающих работать в секциях, и секции начали работать раньше установленного срока. Из членов их были избраны бюро. Были переизбраны и классскомы. Из председателей бюро секций и председателей классскомов составился учком.

Вскоре новый учком созвал собрание, на котором и выработал план работы каждой секции.

Сейчас эти секции уже принялись за работу.

Такое крупное и полезное изменение в работе школьных организаций надо применить и в школах других городов СССР. Опыт уже есть—астраханские учащиеся показали его.

Астрахань.

Деткор **Степан Шацков**

От Редакции. *Редакция помещает эту заметку для того, чтобы вызвать обмен мнений по затронутому вопросу. Опыт учеников 1-ой опытно-показательной школы в Астрахани заслуживает самого широкого обсуждения.*

Ребята, высказывайтесь!

ОДЕССА —

ИЗ ДНЕВНИКА

КО ВСЕМ ПИОНЕРАМ,

Многие из пионеров летом звеном и отрядом устраивали разные экскурсии и путешествия. Путешествовали и на пароходе и на поезде. Много нового узнали пионеры в своих путешествиях. Часто встречались и трудности—дорого проезд стоил, негде было ночевать, никто не помогал на месте экскурсии. Вероятно, в будущем году, снова ринутся сотни и тысячи звеньев и отрядов путешествовать по уголкам СССР. Надо всячески помочь пионерам в этом деле. Но для этого надо знать, как проходили экскурсии повсюду, знать, какие трудности мешают.

Так выглядит Свердловская пл. (б. Театральная) со здания Большого театра

Воскресенье 22 августа. Сегодня мы едем на экскурсию в Москву. К пяти часам у условленного места все 30 человек были в сборе, и мы пошли к вокзалу. Родители, родственники, товарищи окружили нас. Улыбаясь, прощались мы с ними. Неожиданно для всех прозвучал звонок... и поезд тронулся.

В вагоне весело. Вот у окна уселись двое шахматистов. Серьезные лица. Думают. Другие пишут дневники. Ведь, по приезде обратно в Одессу обо всем надо будет сообщить товарищам... Вот почему ребята так усердно пишут. Ничего не забыть — даже мелочь. И она будет интересна товарищу.

Дальше небольшая группка—беседуют, рассказывают, смеются. А вот наверху на койке храпит паренек...

24 августа.—Ура! Уже видна Москва!

Тут уж и наши шахматисты не выдержали—бросили фигуры и кинулись к окну.

Наконец, поезд остановился. Мы сошли. Сразу бросились в глаза нам: большая фигура Ильича, большие часы. Шум и грохот заглушал наши разговоры. Не верилось... Но мы в Москве...

Пришел руководитель и сказал, что мы будем жить в экскурсбазе. Распрощавшись с нашими новыми друзьями, мы отправились в базу. Шли мы недолго, так как сейчас же сели на трамвай. Московские трамваи совсем не похожи на Одесские, и это нас немного удивило. Мы ожидали, что московские трамваи красивее наших. Оказалось, наоборот. Это об'ясняется тем, что в Одессе трамваи были построены гораздо позже, и поэтому они более усовершенствованы..

Наконец, приехали в экскурсбазу.

Так как все очень устали, мы решили сегодня никуда не итти, поужинали и легли спать.

Среда 25 августа. На следующий день рано утром встали, умылись, позавтракали и пошли к 4-му Дому Моссовета. Дом этот девятиэтажный. Таких высоких домов мы еще никогда не видели, так как самые высокие дома у нас в Одессе не более четырех этажей. Мы хотели взобраться на вышку этого дома, откуда видна вся Москва. Но оказалось, что там теперь производится ремонт и потому мы не можем туда итти. Мы пошли по главным улицам Москвы. Беспрерывное движение пешеходов, трамваев, автомобилей и автобусов нас очень поразило. Мы шли очень осторожно, боясь попасть под автомобиль или автобус. В особенности трудно было с непривычки переходить площади, которые в Москве попадаются ежеминутно

Одно нас удивило—мы никак не могли себе представить, что в Москве такие маленькие тротуары. У нас, в Одессе, они в несколько раз больше. Руководительница об'яснила нам причину этого. Москва—город очень старый, и тротуары старинного происхождения. Там, где строят новые дома, для тротуаров оставляют больше места, и действительно, мы это увидели. Мы были также удивлены странными названиями московских улиц и переулков. Эти названия опять-таки об'ясняются стариной Москвы. Особенно нас удивило то, что одна из улиц называется «Кузнецким Мостом», а там никакого моста нет. Оказывается давно на месте этой улицы протекала речка, которая приносила большой вред. В нее бросали отбросы, отчего было много болезней. Ее засыпали. Затем давно там жили кузнецы. Вот почему эта улица называется «Кузнецким Мостом».

Потом мы пошли в ГУМ (Государственный Универсальный Магазин). Он напомнил нам наш пассаж. Но ГУМ гораздо больше. После осмотра Китай-города, мы отправились обедать. А в пять часов снова пошли на экскурсию «По следам Октября». Нам казалось странным итти на такую экскурсию. Ведь прошло 9 лет со времен Октябрьской революции. Все уже об-

Экскурсанты на заводе «Серп и Молот»

МОСКВА

ЭКСКУРСАНТА

ЛЮБЯЩИМ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

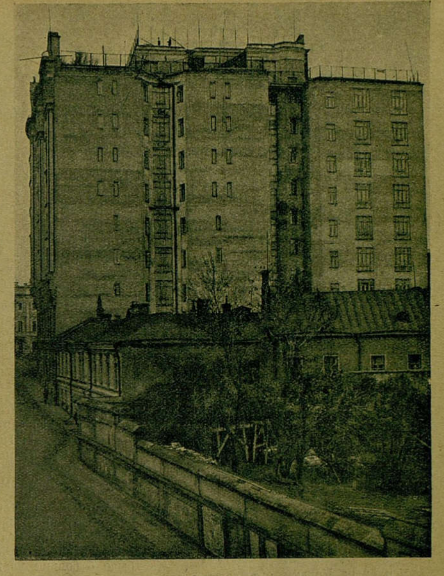
Чтобы помочь пионерам в устройстве дешевых экскурсий, в ночлеге, дать заранее совет, помощь — Центральное Бюро Пионеров при ЦК ВЛКСМ обращается ко всем пионерам с просьбой: «опишите опыт ваших экскурсий — куда, каким способом, сколько ездило в экскурсию, сколько это стоило, и за чей счет, что вы предлагаете улучшить в будущем году». Пришлите по адресу: Москва, Китайский проезд, дом № 3, Центральный Пионер-Кабинет.

Кабинет ведет также переписку со всяким звеном и отдельными пионерами, интересующимися экскурсиями

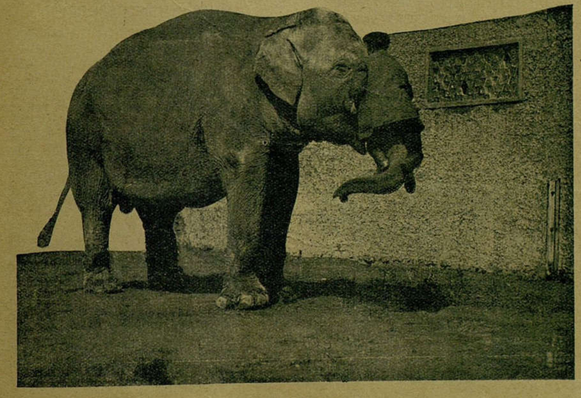
строилось. Но вместе с тем нам было интересно узнать, что представляет собой такая экскурсия, и мы с радостью пошли. На Арбатской площади встретились с руководительницей. Она повела нас по всем местам, которые играли роль в Октябрьской революции. Сначала к бывшему главному штабу белых, где теперь помещается Реввоенсовет, к Дому Советов и т. д. Кроме следов от пуль мы ничего не видели, но, благодаря умелому рассказу руководительницы, перед нашими глазами прошла вся Октябрьская революция. Когда пришли домой, то еще долго не смолкали разговоры об этой экскурсии. Это—ребята делились впечатлениями.

Четверг 26 августа. Группа старших ребят отправилась на завод «Серп и Молот». Во дворе лежали груды порченного железа: там были старые ведра, кастрюли и т. д. Это нас удивило. К нам подошел руководитель, который об'яснил нам, что этот завод занимается переработкой старого лома в гвозди, проволоку и сырье. Нас повели по цехам. Сперва в мартеновский, где находятся семь мартеновских печей. Там мы увидали громадную машину, которая закладывает железо в печи. Рабочие называют ее «рукастый чорт». Оттуда мы пошли в прокатный цех. Из прокатного—в проволочно-прокатный. Затем в тянульный и гвоздильный. Там стоял невероятный шум. Оттуда мы пошли в листопрокатный цех. Здесь мы увидели громадное маховое колесо. Оно девяти аршин в диаметре. Таких громадных машин мы никогда себе раньше не представляли. Затем нам показали, как прессуется железо, как подымается оно под'емным краном. Мы не думали, что железо, как и сено, прессуется в кипы, но нам своими глазами пришлось в этом убедиться.

Пришли с осмотра заводов, отдохнули, пообедали и отправились в Зоопарк. Мы давно ждали этой экскурсии, поэтому ясно, с какой радостью мы туда шли. Много интересных животных видели мы в Зоопарке. Всего не опишешь. В то время, как мы были в Зоопарке, с одной девочкой произошел интересный казус. Мы стоим около клетки осла: руководительница об'ясняла, а она записывала. Осел спокойно выхватил у нее книжку и проглотил ее. Ребята смеялись до упаду. Потом пошли к слону. Мы не думали, что он такой большой. Слона зовут «Джинду», это значит—прекрасная женщина. Она весит 350 пудов и с'едает в день громадное количество пищи. Рядом со слоном мы увидели бегемота, который играл с куском полена. Нам также очень понравились выдры, которые смешно кувыркались в воде.

4-й Дом Советов в девять этажей

Слон Джинду

Пятница 27 августа. Утром пошли в Политехнический музей.

Из музея мы пошли в редакцию журнала «Пионер». Там нам показали, как составляют журнал. Затем нам рассказали, как работают пионеры Москвы, а в частности — деткоры. Мы, в свою очередь, рассказали о работе наших пионеров.

Настал вечер... Сегодня, наконец, мы пойдем в мавзолей.

Ребята были и рады и взволнованы. Каждый чувствовал себя не в своей тарелке. Пришли. Высокие кремлевские стены. Рядом с братскими могилами возвышается мавзолей. У великой могилы почетный караул.

Молча вошли. Тишина... Только еле слышны шаги. А в гробу, под стеклом—Ильич. Вышли, но не было обыкновенного веселья. И еще долго думали об Ильиче.

Суббота 28 августа. Пошли в Третьяковскую галлерею.

Воскресенье 29 августа. Мы решили пойти в кино, где шел «Броненосец Потемкин».

Понедельник 30 августа. Днем пошли в Исторический музей.

Вторник 31 августа. Утром окончили выпуск стенгазеты. Мы назвали ее «Экскурсантская Правда». Вечером мы выехали, но теперь не с такой охотой, с которой ехали в Москву.

Одесса. Деткор **К. Гринберг**

НАША ЖИЗНЬ

О письме Селиверстовой

ВИНОВАТЫ РОДИТЕЛИ

Я не согласен с обвинением т. Селиверстовой, что пионер-организация воспитывает лодырей из ребят.

По-моему, это не так. Если поступивший в пионер-отряд до этого был лодырем и в пионер-отряде будет несознательным, то он им и останется. Отряду преодолеть это трудно: ведь не будет же он из-под палки заставлять ребят делать то или другое. Я думаю, что здесь виновато, главным образом, воспитание родителей.

Минск, БССР

Деткор **П. Бриш**

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята! Прав ли т. Бриш?

ПРИВЛЕЧЬ РОДИТЕЛЕЙ К ОТРЯДУ

Привлечь родителей к отряду нам очень важно. Лучше всего это можно сделать организацией мастерских в отряде, более частым созывом родительских собраний, а также организацией вечеров в отряде, на которые приглашать родителей.

Баку

Деткор **В. Миндлин**

ИЗ-ЗА ВОДЫ

У пионера Кольки отец ездит с поездами, а мать занята по домашним делам.

Пионер должен помогать дома родителям, об этом знал и Колька. У Кольки есть еще брат, но тот совсем отбился от дома, постоянно шляясь где-то.

В один морозный день мать послала только что пришедшего с занятия звена Кольку за водой. Злой после сбора, на котором его за что-то крыли, он ответил: не пойду. Тогда мать его начала кричать и ругаться:

— Этому вас учат в отряде?.. С этого дня не будешь ходить...

В звене вожатый в отчаянии—потерять активного пионера! Об этом он передал на совет отряда. Было постановлено узнать причину непосещения, вызвав его на совет. Кое-как Кольку удалось найти и стали расспрашивать его:

— Почему не ходил и т. д...

— Да вот не принес воды и мать не пустила.

Такие истории часто случаются у нас в отрядах. А происходит это потому, что нет связи между отрядом и родителями.

Будет связь—не будет и таких пионеров в роде Кольки.

Оренбург

Деткор **Д. Тейтельман**

КРЕПЧЕ СВЯЗЬ С РОДИТЕЛЯМИ

Часто родители не знакомы с работой пионеров в отряде. Они не знают, какая от этого польза. В этом виноваты часто и сами ребята. Когда, например, самое позднее может кончится сбор отряда? В 10 часов. А некоторые пионеры этим пользуются. Бывали такие случаи, когда пионер после сбора отправлялся на спектакль или концерт. Приходил домой часов в 12 ночи и говорил, что был занят в отряде общественной работой. Родители, конечно, возмущены и ругают отряд.

Бывает и иначе, когда в пионеры записывается новичок, который родителям не может об'яснить пользу пионер-организации. Поэтому родители настроены против пионеров. Они не хотят, чтоб их дети были там, где они не знают, чем они занимаются. Приведу пример:

Как-то раз мне пришлось разговориться с одним сапожником. Увидя на мне красный галстук, он спросил, пионер ли я. Получив утвердительный ответ, он рассказал мне, что его сын тоже записался в пионеры, а затем ушел. Сын не мог об'яснить ему, что такое пионер-организация. Он все ждал, что его позовут в отряд, спросят о сыне и расскажут о работе отряда. По его мнению, нельзя было принимать в пионеры, пока не узнали у родителей поведение сына. И он настоял, чтобы сын ушел из отряда.

Этого не было б, если бы в отрядах часто устраивались совместные собрания с родителями. Если б родители знали, что делают в отряде, то к пионерам было б больше уважения. У нас в базе этим летом было созвано родительское собрание. Выбрали бюро родителей. Бюро родителей работает вместе с деткомиссией. Оно принимало участие в подготовке и проведении годовщины базы. Но все же не чувствуется настоящей действительной связи со всей родительской массой. Пока я еще в Одессе не знаю отрядов, где была бы действительно крепкая связь с родителями.

Настоящую связь я видел лишь в одном отряде, да и то не в Одессе. Прошлым летом я был в местечке Рибнице (АМССР) в отряде на совместном собрании родителей и пионеров. Стояла беседа о МДН. Родители принимали в ней горячее участие, говорили, как лучше провести МДН. Хорошо помню я, когда девочке, подававшей заявление в отряд, пионеры дали отвод за то, что она недисциплинированная. Тогда встал один из родителей и сказал: «ваша организация должна воспитывать таких ребят, поэтому я предлагаю ее принять», и ребята согласились с ним.

Не лучше обстоит дело и в школах. Родители знают: сын или дочка работает в классkоме. В каком классkоме? Что за классkом? Для чего он? Или вот взяли 15 коп. Пай в кооператив внесли. В какой кооператив? Зачем он? Почти никто не ответит.

Мы должны теперь поставить себе задачу—больше совместных собраний родителей и пионеров, родителей и школьников. Пусть каждый родитель знает, что делают его дети в отряде, в школе, кроме занятий. Только тогда мы сможем завоевать авторитет у родителей.

Одесса

Деткор **Гринберг**

ЗОРКИМ ГЛАЗОМ

«ВСТАНЬ, ПРОСНИСЬ, НА СЕБЯ ПОГЛЯДИ!»

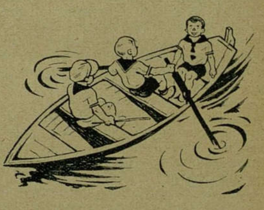
12 отряд спит непробудным сном. Учебный год давно начался, а отряд даже еще не подумал о работе в школе.

Г. Кунгур.

Деткор **Шуткин**

ПОКА ШЛИ, ВСЕ РАСТЕРЯЛИ.

25 отряд отправился на судно «Т р о ц к и й» делать смычку с краснофлотцами. Когда шли, было много планов: провести беседу, сбор и т. п. А когда пришли, ре-

бята только катались на лодках и, устав от такой работы, плотно пообедали. После обеда сочли смычку законченной, построились и пошли домой. Пионеры остались довольны, а краснофлотцы нет.

Г. Баку

Деткор **Гуревич**

ОТЧАЯННЫЕ ПЕРЕЛЕТЫ.

В «Пионере» печатается «Отчаянный перелет». Такие же отчаянные перелеты совершает и наш отряд из одного клуба в другой. Дали нам клуб. Только мы устроились в нем, как вдруг—«пожалуйста, переселяйтесь в другой»,—и так три

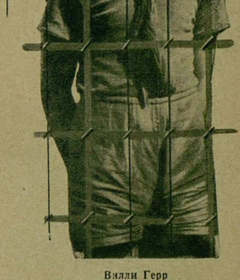

раза. В результате этих перелетов клуба у нас нет, а есть только обещания дать его. Ребята развинтились и начали хулиганить. С нетерпением ждем конца перелетов.

1 отряд г. Льгова, Курской губ.

Деткор **Ким Воронцов**

АРЕСТ Вилли Герра

Вилли Герр

РЕЗИНОВЫЕ ПАЛКИ ПРОТИВ РАБОЧИХ ДЕТЕЙ

(Из газеты германской компартии «РОТЕ ФАНЕ» («Красное Знамя») от 16 октября 1926 г.)

В последнюю субботу вюртембергские власти сделали террористическое нападение на рабочих детей. «День рабочих детей», который должен был быть проведен коммунистической партией в г. Штуттгарте, полиция разогнала.

Когда штуттгартские дети в субботу собрались на демонстрацию, полиция устроила настоящую охоту на детей с револьверами и резиновыми палками.

Вечернее собрание, которое хотели устроить в закрытом зале, тоже не было допущено: помещение заняли 40 полицейских. Один 14-летний мальчик, который был в детской делегации в Советской России и должен был рассказать об этой поездке, был арестован. Провокационное поведение полиции, которое сделало невозможным всякие выступления, вызвало большое возмущение всех собравшихся. Полиция не ушла из зала до тех пор, пока помещение и улица не были совершенно очищены от ребят.

ПИСЬМО ВИЛЛИ ГЕРРУ

Дорогой товарищ Вилли!

Нас страшно поразило известие о твоем аресте, а также об избиении детей рабочих гор. Штуттгарта полицейскими. Полицейские арестовали тебя и избили твоих товарищей за то, что ты хотел рассказать все, что видел у нас, раскрыть всю ложь о СССР, которую распространяют слуги капитала. Но помни, Вилли, что пионерская организация всего мира—единая семья, и она должна протянуть руку помощи как тебе, так и другим нашим братьям, томящимся в тюрьмах капитала. Знай, Вилли, что пионеры СССР первые кинут призыв об освобождении тебя, они помнят о тебе и всеми силами стараются тебе помочь. Не унывай и не падай духом. Пусть это наше короткое письмо укрепит в тебе стойкость и бодрость. Скоро, скоро настанет время, когда ты и все пионеры Германии и всех стран так же станут свободно работать, как и мы.

С пламенным приветом пионеры отрядов НКПС г. Москвы

Протестуем!

Мы, юные пионеры 6-го, 7, 30, 50, 81 и 82 отрядов при Народном Комиссариате Путей Сообщения (НКПС) и школы НКПС и № 14 БОНО, выражаем свой протест и негодование по поводу ареста Вилли Герра и разгона полицией детского собрания в г. Штуттгарте (Германия).

Вилли Герр был членом германской делегации пионеров, приехавшей летом 1926 г. в СССР по инициативе и приглашению вышеупомянутых отрядов и Московского Комитета комсомола.

Познакомившись с жизнью и работой пионеров СССР и вернувшись в Германию, делегаты на детских собраниях в своих докладах описывали все, что увидели и узнали в СССР, одновременно разоблачая всю ложь, распространяемую по адресу СССР.

На одном из таких собраний в г. Штуттгарте, где Вилли Герр должен был рассказать о своей поездке в СССР, появились полицейские, устроили охоту на присутствующих детей и своими резиновыми палками и револьверами разогнали собрание, арестовав Вилли Герра и других германских пионеров, а также и вступившихся за них посторонних товарищей.

Мы, пионеры и школьники, выражаем свое возмущение против таких действий германской полиции и призываем все отряды и школы присоединиться к нашему протесту.

Стыдно должно быть взрослым полицейским резиновыми палками и револьверами бороться против 13—14-летних детей.

Стыдно разгонять собрание детей, на котором рассказывают правду. Мы еще раз протестуем против ареста 14-летнего Вилли Герра и настаиваем на его освобождении.

Наше возмущение, стыд и позор германским держимордам за такие поступки против детей.

Отряды юных пионеров НКПС Баум. района школы НКПС и № 14 БОНО

Валентина Кордес

ЧТО ЧЕМ ДВИЖЕТСЯ

(Выставка для детей и подростков)

Что это за выставка?

Что чем движется—вопрос, интересующий почти всех ребят. Любят они разбирать старые машины, а еще больше мастерить их сами из разных дощечек, брошенных жестянок.

Для того, чтобы помочь детям исследовать и изобретать, комиссия по музейной работе с детьми устроила выставку—«Что чем движется».

Здесь в макетах, моделях, рисунках, фотографиях и чертежах представлены всевозможные движения, существующие в природе, живых организмах, машинах. Вот прекрасная модель паровоза, автобуса, коллекция аэропланов, веялка, маслобойка, а рядом крыло птицы, лапка гуся, чертеж, об'ясняющий движение рыбы, пресмыкающихся, приборы, показывающие движение звука, света электричества.

Когда-то человек преклонялся перед природой, теперь, познав ее, заставляет служить себе.

Каждый ребенок—Илья пророк

Посмотрите на картину—грозный Илья пророк сыплет молнии со своей небесной колесницы, а тут же рядом с картиной простые самодельные приборы, при помощи которых каждый ребенок может добыть эту небесную искру.

На другой картине видишь тысячелетнюю мечту человека о крыльях. Здесь Дедал и Икар, крылатый конь-Пегас и ковер-самолет, а посредине парящий аэроплан.

Ряд приборов и моделей показывают, как человек использует силу ветра, воды, света, электричества.

Но от мечты о ковре-самолете до современного аэроплана люди прошли долгий и тернистый путь.

И ряд макет и рисунков знакомит ребят с разными моментами из истории изобретений. Вот несчастная попытка крепостного холопа взлететь на слюдяных крыльях в Москве в XVI веке.

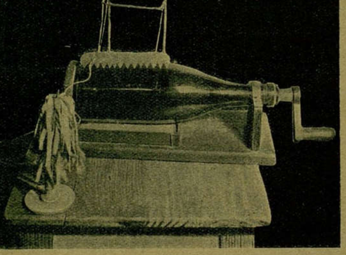
Вот полет первого воздушного шара в Париже, первый поезд Стефенсона, первый велосипед и т. д., и т. д.

А вот коллекция судов от древнеримской галеры, приводимой в движение закованными в цепи рабами до современного гиганта океанского парохода, красавца - броненосца.

Целые коллекции самодельных приборов для опытов по физике сделаны даже из спичечных коробок. С этими приборами юные исследователи могут производить научную работу у себя дома.

И, наконец, ряд самодельных машин, аппаратов, присланных на выставку юными изобретателями со всех концов СССР: фотографический аппарат, электрическая станция, электрический кипятильник, различные двигатели и автоматы.

Коллекция силков для ловли зверей, капканы для медведя, лодки и снасти для ловли рыбы, присланные школьниками-

остяками из далекой Енисейской губернии. Коллекция музыкальных инструментов: балалайка, мандолина, скрипка из старых консервных жестянок и куска дерева,—работа детского дома беспризорных гор. Твери. «У нас все дети музыканты, каждый сделал себе инструмент»,—рассказывает инструктор, т. Адамович, привезший эти вещи.

Интересен еще набор самодельных инструментов для работ по дереву, которыми пользуются беспризорные. Пионеры Севастополя присылают модели черноморских броненосцев.

Как создалась выставка

Собрать все это огромное количество вещей одной комиссии было не под силу. Задумав свою выставку, комиссия обратилась с призывом помочь ей в этом деле к самим ребятам.

Жизнь на выставке

Ребята приходят небольшими экскурсиями из школ и пионер-отрядов, но много и одиночек, посещающих выставку по несколько раз. Сперва разбегаются по выставке, переходя от одной вещи к другой, но постепенно то там, то здесь образуются небольшие группы. Тут на помощь подходит кто-нибудь из руководителей, начинается беседа, пускаются в ход машины, проделываются те или иные опыты.

Можно трогать руками

Особенно людно и весело у длинного стола с надписью «Можно трогать руками».

Здесь собраны разные двигающиеся игрушки, кубари различных систем, деревянные кустарные звери, по тонкой веревочке ходит картонная балерина, балансируя крохотными ручками.

Ребятишки наперерыв заводят кубари, хохочут, дергая за ниточку разных зверушек и, отдохнув за игрой, снова возвращаются к выставке.

Некоторые подолгу сидят за столом, где разложены книги, журналы, чертежи по вопросам техники, и тут же срисовывают заинтересовавшие их модели.

За отдельным столиком производится продажа книг по вопросам, затронутым на выставке. У входа группа ребят со смехом опускают в самодельный автомат по 2 копейки, чтобы получить небольшую конфетку, которая тут же с'едается.

У самодельного телефона выстроилась очередь: всем охота поговорить

Простой деревянный велосипед на котором можно было кататься по выставке.—Электрическая машина из бутылки.—Китайская повозка—рикши

по телефону с товарищами на другом конце зала.

Небольшой карапуз с увлечением катается на старинном деревянном велосипеде, а группа ребят возит друг друга в китайской тележке рикши.

В одном из уголков примостилась компания ребят—играют в лото, все картинки которого изображают различные машины.

Отгадайте загадку

А вот несколько человек озабоченно обходят всю выставку, пристально вглядываясь в каждую вещь.

Они должны разгадать загадку, которая написана на билетике у них в руках. «У нас 4 паровых машины, какая из них лучше».—«Один бежит по воде, другой—под водой. Кто их двигает». «Найди прибор, где твой голос вырабатывает ток» и т. д.

Перед уходом каждый экскурсант получает билетик, чтобы положить его около той вещи, которая ему больше всего понравилась. Снова начинается обход выставки, совещание и споры с товарищами.

Словом, жизнь на выставке кипит во-всю, совсем не так, как обычно на выставках, когда надо стоять смирно и слушать бесконечные об'яснения.

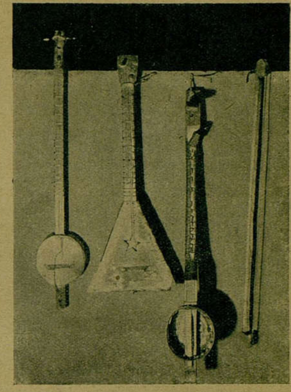
Выставка открыта с 12 до 4 ч. После 4-х каждый день устраивается маленький вечер, программа которого связана с одной из тем выставки.

То это рассказ о полете Амундсена, то театр теней, где показывают жизнь великого ученого Галилея, то кино, где ребята видят первый поезд Стефенсона, работу различных мощных двигателей.

Иногда появляется веселый Петрушка и показывает ряд забавных фокусов, основанных на законах физики. Наконец, «Электрический вечер», где показывают современные «Чудеса без чудес».

21/XI на выставке состоялась конференция юных изобретателей, где ребята показывали и об'ясняли свои модели, а затем обсуждали вопрос, как и чем можно помочь им в их дальнейшей изобретательской деятельности.

Выставка «Что чем движется» является подготовкой к созданию специального музея для детей, где будут собраны интересующие ребят вещи. Детский музей будет местом живой работы ребят, где можно будет не только «смотреть» на выставленные вещи, но и самому сделать какую-либо модель, игрушку, зарисовать, слепить понравившуюся вещь, почитать о ней книжку. Такие музеи уже давно существуют в Америке и Западной Европе. Пора создать их и нам в помощь нашим юным исследователям и изобретателям.

Самодельные музыкальные инструменты ниже: модель паровой машины.

„Уголок Знание—Сила“

На выставке устроен уголок журнал для подростков—„Знание—Сила“. В этом уголке выставлены модели, присланные ребятами на конкурс журнала „Знание—Сила“. На конкурс прислано около семидесяти моделей из различных концов СССР. Премия конкурса 10-дневная экскурсия в Москву. В декабре приезжают в Москву 30 премированных участников конкурса. Участники конкурса — ребята пионерского возраста. В следующем номере мы напишем о них подробнее.

А. Рыжов

Рис. В. Сутеева

АЛЕКСАША НА КОНЬКАХ

(Грустная история)

Алексаша вынул записную книжку и карандаш. Строго посмотрел на ребят. Те сразу настороженно замолчали.

— Прошу товарищей, не занимавшихся конькобежным спортом, поднять руки. Так. Единогласно. Опустите руки...

— Завтра утром вы все под моим руководстеом начинаете учиться конькобежному искусству. Сбор перед моим домом в 10 часов. Пока!.. Я ухожу...

— Ваня!—спросил тихонько Петька. Недотяпкин,—что это за «бежное искусство?..»

— Не знаю,—пожал плечами Ванька.— Алексашины «фокусы-покусы». Ты на каток завтра пойдешь?

— Пойду, только после школы.

Когда звено на другое утро шло к Алексаше, все еще издали заметили, что прохожие почему-то около его дома сворачивали на мостовую. Редкие из них, которые шли прямо по тротуару, внезапно начинали как-то странно выплясывать на месте и потом крепко плюхались на землю.

Но когда звено подошло к самому дому, то сразу поняло причину странного поведения прохожих.

Весь тротуар был покрыт толстым слоем крепкого гладкого льда.

— Алек-са-шааа! — коллективно закричало звено.—Вы-хо-ди, мы при-шли!

В окне второго этажа показалась всклокоченная заспанная голова Алексаши. Он был в одной ночной рубашке.

Потом голова скрылась и, наконец, через полчаса показался Алексаша в каком-то странном наряде.

Из-под шапки торчали клочья ваты, поверх его куртки была одета ватная материна душегрейка, а сзади целой сложной системой узлов и веревок была привязана огромная подушка.

Алексаша отдал салют и принял было одну из своих «солидных» поз, но вдруг поскользнулся и грохнулся на лед. Из-под пальто со звоном выпала пара новеньких коньков.

— Ничего. Предохранитель действует хорошо, — сказал Алексаша, с трудом поднимаясь на ноги.— Ну, братцы, давайте займемся конькобежным спортом. Как вы думаете, что это за железные штучки?

—Коньки,—не задумываясь ответило звено.

— Да, действительно. Но откуда вызнаете?

— Гы-гы. Откуда знаем?—начал было Ванька, но помощник Петька Недотяпкин погрозил ему кулаком и мрачно спросил:

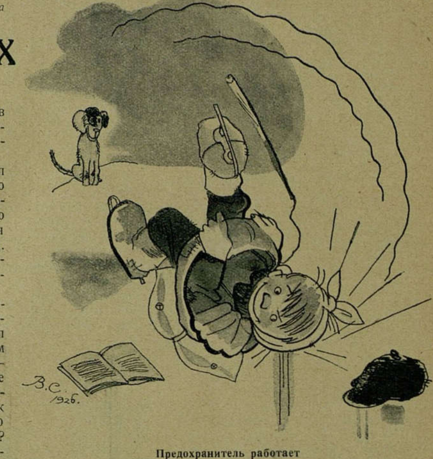
— Опять дисциплину нарушаешь?

Ванька замолчал и горько улыбался, видя как Алексаша подвязывал коньки к своим валенкам.

— Может мы на каток пойдем, Алексаша,—робко спросил Петька.

Но Ванька дернул его за руку и закричал.

— Ага, помощник! Мне кулаки показываешь, а сам нарушаешь?

Предохранитель работает

— Никаких катков!—отчеканил Алексаша.— Сейчас начнем. Достаньте у меня из кармана книжечку. Так. Слушайте теперь.

Звено молча стояло на мостовой у тротуара и слушало. Понемногу начинала собираться вокруг толпа.

«...Если вы решили выучиться кататься,—громко читал Алексаша,—то, вопервых, бросьте страх, выкиньте из головы боязнь: вот, вот упаду, расшибусь. Храбро встаньте на лед»...

Ванька и Петька подняли своего вожатого и, крепко держа его под руки, поставили на лед.

— Алексаша, может не стоит,—тихо сказал Петька. Я им на катке после покажу...

Но Алексаша уже не слушал.

— Упадете—не важно,—продолжал он и с отчаянной решимостью, сказал: пустите меня братцы, я сам...

Братцы колебались. Потом сразу отпустили руки. Алексаша стоял, слегка помахивая руками. Наступило жуткое молчание.

— Мамка, боюсь,—заголосила в толпе какая-то девочка.

— Упадете—не важно, упавшим голосом повторил Алексаша, тронулся с места и вдруг так приложился к тротуару, что у всех дух захватило.

— Предохранитель работает,—сказал он и, не вставая, заглянул в книжку.

«...Упадете, не важно. Встаньте, отряхнитесь и снова поезжайте вперед»... Помогите встать. Теперь отряхнуться. Так. Теперь снова поезжайте вперед...

Но вперед поехала только храбрая Алексашина головушка. Ноги же его поехали назад. И Алексаша приклеился носом и ртом ко льду.

— Алексашенька, бедный,—плача сказала Нелька,—как ты разбился. Да, ведь, мы не знали, что ты про коньки. Мы на коньках всем звеном почти каждый день. Только на катке... А ты про какое-то искусство.

Звено сумрачно молчало.

Выкиньте из головы боязнь

Б. Виркине

МАУГЛИ

На крыльях Чиля пала ночь,
летят нетопыри.
Стада в хлевах, — свободны мы
до утренней зари.
Удары когтя, стук зубов
слились в кровавый стон...
Внимай! Охоты доброй всем,
кто джунглей чтит закон.

Ночная песнь джунглей.

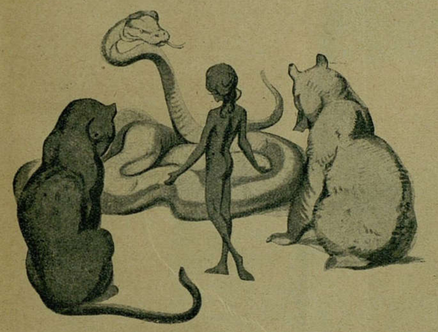
Коршун Чиль

«— Ну мог ли когда-либо волк похвастаться тем, что у него среди волчат лежит человеческий детеныш.

— Он совсем безволосый, — отозвался отец-волк, — и я мог бы убить его одним прикосновением ноги. Но, погляди: он смотрит прямо на меня — и нисколько не боится.

Лунный свет, сиявший в отверстие пещеры, померк: огромная квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход.

— Шер-Хан делает нам честь своим посещением, — произнес отец-волк, но в глазах его светился гнев. — Что нужно Шер-Хану?

Пантера Багира, питон Каа, медведь Балу и Маугли

— Мою добычу. Здесь прошел человеческий детеныш, — сказал Шер-Хан. — Его родные убежали, отдайте его мне.

— Волки — свободный народ! — молвил отец-волк. — Они получают приказания от вождя стаи, а не от какого-нибудь полосатого скотобоя. Человеческий детеныш наш, и мы его убьем, если пожелаем.

— Пожелаете или не пожелаете? Это что за речи? Клянусь быком, которого я убил, я не долго буду дожидаться здесь, уткнувши нос в ваше собачье логово: дожидаться того, что принадлежит мне по праву. Это я, Шер-Хан, говорю с вами!

Громовой рев тигра потряс пещеру. Мать-волчиха стряхнула с себя волчат и прыгнула вперед: глаза ее, горевшие во тьме, как две зеленые луны, впились в пылавшие очи Шер-Хана».

Этим начинается книга.

Маленький индусский ребенок попадает в стаю волков. Волчья семья усыновляет его, называет волком и дает ему кличку Маугли, что значит — лягушка.

Лягушонка, жалкого, голоногого хочет загрызть тигр. Шер-Хан — один из самых сильных зверей в джунглях. Волкам удается отстоять Маугли. И тут начинается великая борьба не на жизнь, а на смерть между человеком и тигром.

На свете много писателей. Писатели пишут много книг — тысячи, десятки тысяч. Книги бывают хорошие и плохие, интересные и неинтересные. Много из них прочитываешь и сейчас же забываешь. О других книгах помнишь дольше — это хорошие книги.

Но есть такие книги на свете, которые выделяются из десятков тысяч. Эти книги, прочитав, помнишь всю жизнь. Раз прочитав, перечитываешь еще и еще, и каждый раз находишь в них новое. Такие книги читают и взрослые и дети. Для тех и для других они одинаково интересны и увлекательны.

К таким книгам относится книга английского писателя Редиарда Киплинга — Маугли.

Маугли — это часть большого сочинения Киплинга — Книги джунглей.

Джунгли находятся в Индии. Это огромные лесные чащи, полные всякого зверья.

Киплинг долго жил в джунглях, поэтому мог написать такую чудесную книгу о лесном зверье.

Это совсем не сказка, хотя многое здесь, конечно, выдумано.

Почему же, вы спросите, мы уделяем целую страницу на описание этой неправдоподобной, как-будто, книги.

А вот почему:

Во-первых, — эта история только кажется неправдоподобной. Ведь, подумайте, мы же не можем вольчим языком разговаривать, а если мы хотим описать, почему так или иначе делает волк, то мы вкладываем в его пасть в об'яснение его поступков человечьи слова.

Маугли и Багира

Тигр хочет отнять свою добычу от волка, а не может. Он в ярости, а Киплинг передает эту ярость человеческим языком из ревущей тигровой пасти.

Во-вторых, — Маугли — необычная книжка. Она раскрывает нам глаза на неизвестную нам звериную жизнь. Из этой книги мы узнаем звериные повадки так, как ни один учебник нам не расскажет.

Мы можем по этой книге судить, какой была жизнь наших отдаленных первобытных предков. Мы увидим, как пробивает себе первое место человеческий ум, в соединении с огнем и ножом.

Стоит книга довольно дорого — 2 руб., в ней 163 стр. большого формата. Каждому отдельному пионеру, конечно, не купить ее, но она должна быть во всех школьных и отрядных библиотеках. В книге хороший, крупный шрифт. Издание Государственного Издательства.

Тигр Шер-Хан в пещере волков

В. К.

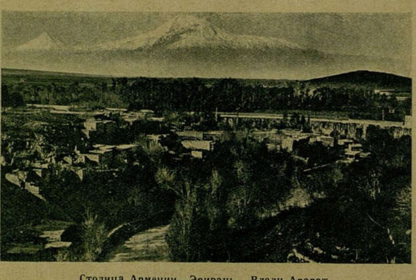
ПО АРМЕНИИ

Скотоводы

В октябре месяце этого года весь мир облетело известие о землетрясении на Кавказе, в Армении. Цветущий город Ленинакан и прилегающий округ пострадали от этого стихийного бедствия. Десятки тысяч людей остались без крова, тысячи ранены, сотни убиты. В Ленинакане 80 процентов домов стали негодными вовсе для жилья; в городе нет ни одной комнаты, где стены не дали бы трещин. По приблизительным подсчетам в Ленинакане пострадало 13.000 хозяйств, в прилегающих селах — 7.000. Общее число убытков только в одном городе достигает до 20 милл. руб.

Землетрясение произошло вечером 22 октября. Люди уже заканчивали свои дневные работы и приготовлялись к отходу ко сну, как вдруг нежданно-негаданно произошел ряд сильных подземных толчков.

Столица Армении—Эривань. Вдали Арарат.

Первый удар был сравнительно не велик. В шкафах зазвенела посуда, закачались подвешенные к потолку лампы, слегка сдвинулись некоторые вещи. Но жители переполошились, бросили свои домашние дела и устремились на улицу. В этот момент последовал новый толчок, более сильный; фундаменты домов стали оседать, стены трескаться и рушиться, потолки и крыши проваливаться. Тот, кто задержался в доме, собирая свои вещи и думая их вынести и спасти, тот был застигнут врасплох под падающими сводами дома и погиб или был тяжело ранен.

В этот момент на улицах возникла паника. Люди, как безумные, метались из стороны в сторону, ища своих близких или уже оплакивая их. В узких проулках образовалась давка. Люди затаптывались ногами бегущей толпы или с расколотыми черепами падали ниц, а сверху летели на них кирпичи и балки.

Весь город в самое короткое время превратился в развалины. Ночью, при свете мигающих костров и в дыму пожарищ, ютились жертвы землетрясения.

Ужасное несчастье, разразившееся над Арменией, особенно тяжело для армянского народа, потому что он только с 1921 г. смог спокойно приняться за мирную работу и строительство. До того, в продолжение всей своей многовековой истории, он постоянно подвергался нападениям и завоеваниям разных народов. Персы, арабы, монголы, наконец, турки беспощадно грабили страну, безжалостно вырезая мирное население.

Вот отчего так печальны армянские народные песни, так скромны их города, так убоги деревни.

Армянская деревня издали кажется грудой развалин. Низкие каменные сарайчики без окон, на плоских крышах горы сена, а около—черной кучей кизяк. Внутри дома почти темно: свет проникает через узкое отверстие в крыше, служащее дымоходом. Под ним в полу большая яма — это печь. Никакой мебели, обстановки. Только в нише стен гора одеял и подушек, на полу несколько глиняных кувшинов и медных кастрюль.

Жители Ленинакана после землетрясения

На головах у женщин под платками маленькие шапочки с турецкими монетами. Другим платком завязан рот, так как открытый рот у женщин считается неприличным. Главное занятие жителей — земледелие и скотоводство. На вершинах гор в Армении встречаются кочевники скотоводы, пригоняющие сюда огромные стада овец со всех концов Армении, даже с соседнего Азербейджана.

Ранней весной поднимаются они с равнин в горы.

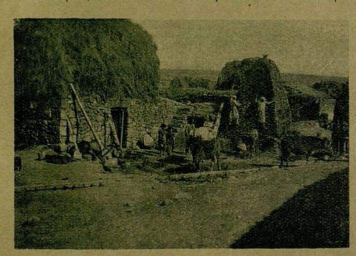
Длинные арбы, затянутые пестрыми коврами, служат им на лето домом. Живут большими семьями на расстоянии нескольких верст друг от друга.

А осенью по крутым горным тропам движутся в долине целые караваны. На верблюдах, лошадях, ослах, на быках, даже буйволах едут пестрые курдюки, закутанные в покрывала персианки, мрачные татарки, обвешанные бесчисленными серебряными украшениями, облепленные детьми.

Города Армении невелики и скромны на вид. Столица, Эривань, имеет всего несколько больших зданий. Лучшим украшением ее является величественный Арарат, снежная вершина которого кажется совсем близкой хотя до него от города 70 верст.

Летом в Эривани трудно жить благодаря невыносимой жаре. На главных улицах постоянно снуют маленькие оборванные мальчуганы с глиняными кувшинами.

— Сари-джур... Сари-джуре звонко выкрикивают они на разные лады, предлагая прохожим холодную воду.

В армянской деревне

Продавцы воды

После землетрясения в деревне

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ в №№ 13, 14, 15, 16 и 17.

№ 57

Летняя детская площадка—поле смычки с неорганизованными.

№ 58

Ком-м-унар (Уран).

№ 59

К-О-сть—К-И-сть.

№ 64

МДН—неделя укрепления связи трех поколений.

№ 65

По-года.

№ 66

ри**СУН**ок
пр **ЯТ** ки
О **СЕН** ь
Сун-Ят-Сен

№ 67

		с	с	с	р	н		
	у	ж	е	н	г	р	а	
	м	о	т	н	ы	й	к	
у	л	ь	т	у	р	н	ы	й
п	и	о	н	е	р	в	л	а
д	е	ю	щ	и	й	п	р	о
с	т	е	й	ш	и	м	и	т
	е	х	н	и	ч	е	с	
	к	и	м	и	н	а	в	
		ы	к	а	м	и		

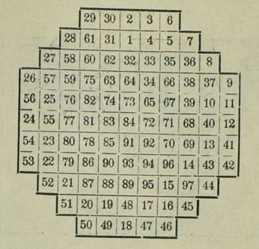
№ 68

Пиш (е) итЕ на м о + том + (о) ка + квы + пров-ели + м + дн (о).

Пишите нам о том, как вы провели МДН.

№ 69

МДН — неделя укрепления связи пионеров СССР с заграничными деткоморганизациями и связи между отрядами внутри СССР.

			29	30	2	3	6			
		28	61	31	1	4	5	7		
	27	58	60	62	32	33	35	36	8	
26	57	59	75	63	64	34	66	38	37	9
56	25	76	82	74	73	65	67	39	10	11
24	55	77	81	83	84	72	71	68	40	12
54	23	80	78	85	91	92	70	69	13	41
53	22	79	86	90	93	94	96	14	43	42
	52	21	87	88	89	95	15	97	44	
		51	20	19	48	17	16	45		
			50	49	18	47	46			

№ 70

Фа-за-н.

№ 71

С-ук, Ж-ук, К-ук.

№ 72

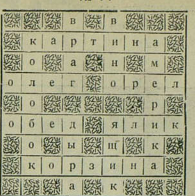
4	3	19	9	10	16
7	8	20	1	18	15
21	5	2	13	17	11
22	6			14	12

Пионер, будь готов к учению.

№ 73

Пионеры должны использовать лето для укрепления своего здоровья, чтобы осенью с новыми силами приняться за учебу.

№ 74

			в		в			
	к	а	р	т	и	н	а	
	о		а		н		м	
о	л	е	г		о	р	е	л
	о						р	
о	б	е	д		я	л	и	к
	о		ы		щ		к	
	к	о	р	з	и	н	а	
			а		к			

№ 75

МандриЛ
АтельЕ
РентгеН
КолибрИ
СатурН
Маркс—Ленин.

№ 76

На-с-Турция.

№ 77

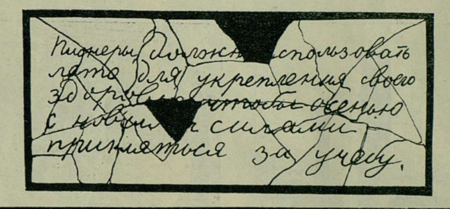
1) За р-я.
2) По воде.

№ 78

Библиотека—источник культуры.

ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПРИСЛАЛИ:

№№ 64, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72—**Шацков С.** (Астрахань), №№ 66, 71, 72—**Н. Крупп** (Симферополь), №№ 59, 66, 71, 72—**Черневский Ю.** (Богословский зав.), №№ 53, 59, 61—**Брамбер** (д. Н. Савруши), №№ 54, 71—**Новиков А.** (ст. Одринская), №№ 46, 61, 71—**Поляков** (Минск), №№ 61, 72—**Дулов В.**, №№ 66, 71—**Чикваркин Н.** (ст. Сасово), №№ 68, 72—**Сентищева С.** (г. Тамбов), №№ 53, 54—**Маркин А.**, №№ 71, 72—**Баранникова А.**, **Мальцева А.** (г. Фрунзе), №№ 64, 66, 67, 71, 72—**П. Смирнов** (Семенов), №№ 59, 61—**Е. и А. Ходоровы**, № 71—**Феркер** (Феодосия), **Г. Музыкантский**, № 72—**Берсон И.** (Витебск), **Киевцов** (Москва), **Крюков А.** (Казань), **Крыжановские Е. и Л.** (Н.-Гиреево).

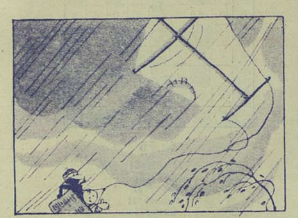
Цена № 20 коп.

(Приключения пионера Мити между небом и землей)

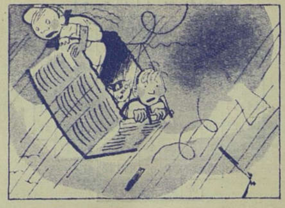
Отчаянный перелет

Стихи Ник. Богданова
Рисунки В. Сутеева

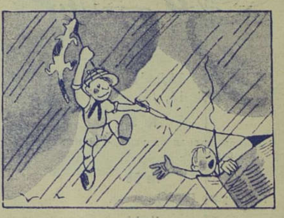
(Окончание)

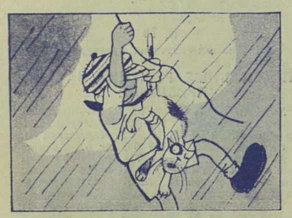
25
Гром и молния... Дико летят облака,
Ветер свищет лихую облаву,—
Вот в такую погодку пилотам тоска,
Кот заводит протяжное «мя-я-у»!

26
Треплет змей, отлетают дранички, листы,
И вот-вот весь полет прекратится.
Митя глянул разок и другой с высоты
И пришлось на «спасенье» решиться.

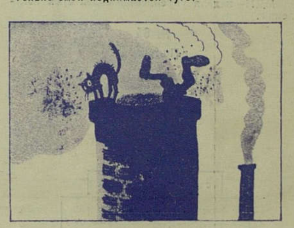
27
Наш геройский пилот финский нож достает,
Чик... и нет ни корзины, ни друга!
Что ж, во имя идей и друзей не жалей,
Только змей поднимается туго.

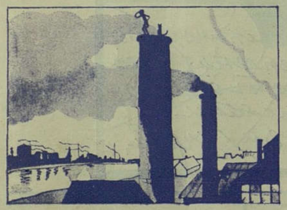
28
Так пришлось потом в разговоре с котом
В неприятные споры пуститься.
Но не хочет никак, даже самый пустяк,
Ну хотя бы чуть-чуть отцепиться...

29
Митя силы набрал, все ж кота отодрал,
И над бездною держит рукою,
Ветер вдруг перестал, змей нырнул и упал,—
«Ай. . мяу... караул, что такое?»

30
Дым и смрад—горячо, змеелет увлечен
Видно в кратер большого вулкана,
Стал весь черный пилот, задыхается кот,—
Погибают нелепо и странно!

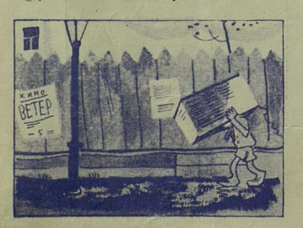
31
Оглянулись друзья и поверить нельзя,—
Не вулканы, а трубы дымятся...
Вон и Кремль, два моста,—да, ведь, это Москва!
И пришлось кое-как им спускаться.

32
Поскорее домой, да на улицах вой,
Любопытные прут друг на друга;
— Негритос-то какой, а за ним, ой-ой-ой,
Африканская ходит зверюга.

33
Тут Митюша с котом припустились бегом
(Постовые напрасно свистели).
Виноваты ль они, что труба так дымит?
Они право чудить не хотели!

34
А в то время с окраин, где травы,
Да забор покосился кривой,
От известной калужской заставы
Плелся Ким еле-еле живой.

35
Ах, какая нежданная встреча!
Помолчали товарищи наши,
—Ты Кимок, не совсем изувечен?
—Нет, а как самочувствие ваше?

36
– Вот, Кимуша, летали-летали,
Очутились в Москве, не в Китае!
—Пустяки, мы еще полетим,—
Отвечает не бьющийся Ким!